

ТАЙНЫ И

Всё 170-178

Н. И. Костомаров

МАЗЕПА

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

Николай Костомаров

Мазепа

«Public Domain»

Костомаров Н. И.

Мазепа / Н. И. Костомаров — «Public Domain»,

Основоположник русской исторической мысли Н.И.Костомаров (1817—1885) одну из своих серьезных научных работ посвятил Мазепе – одноименная монография до сих пор является самым подробным исследованием этой противоречивой личности. С именем Мазепы связан важный период истории Украины – «Гетманщина», который, несмотря на прошедшие столетия, по-прежнему остается одним из самых политизированных, а фигура Мазепы и сегодня является предметом бесконечных споров.

Содержание

Б. Г. Литвак	5
Глава первая	17
Глава вторая	25
Глава третья	33
Глава четвертая	45
Глава пятая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Николай Костомаров

МАЗЕПА

Б. Г. Литвак
«Гетман-злодей»

Имя Ивана Степановича Мазепы известно современному читателю скорее всего как одно из действующих лиц поэмы А. С. Пушкина «Полтава», откуда мы заимствовали чеканную пушкинскую характеристику и вынесли ее в заголовок этого предисловия. Реальная историческая личность, так или иначе связанная с историей петровского времени, Мазепа представляет интерес не только в контексте Северной войны Петра Великого и Карла XII. Эта фигура появилась на горизонте истории украинского народа во время, когда эйфория воссоединения с Россией выветрилась под грубым напором царского кулака, когда взамен польского крепостного ига украинские крестьяне подвергались закрепощению своей же «единокровной» старшиной под эгидой и при усиленной поддержке господствующего класса Российского государства.

Со времени исторической Переяславской рады 1654 г., принявшей решение о воссоединении Украины с Россией, и до 1663 г. все вопросы, касавшиеся Левобережной Украины, решались в канцелярии по малороссийским делам Посольского приказа, т. е. внешнеполитического ведомства царского правительства. В 1663 г. был учрежден Приказ Малая России, который более известен как Малороссийский приказ. Он был непосредственно подчинен царю и должен был усилить контроль за деятельностью гетманского управления Украиной. Взаимоотношения России и Украины во времена гетманства Мазепы регулировались так называемыми «Коломацкими статьями», принятыми в 1687 г. Эти статьи подтверждали наделение Левобережной Украины «правами и вольностями их прежними», но фиксировали наличие в Киеве, Чернигове, Переяславе, Нежине и Остере русских воевод и ратных людей «для обороны от неприятелей и чтоб впредь в малороссийских городах замешания и измены ни от кого никакия не было»¹. Статьи определяли порядок избрания гетмана и генеральной старшины, управлявших Украиной, статус «его царского пресветлого величества войска Запорожского». Без царского указа ни выборы гетмана, ни его устранение не разрешались. То же касалось генеральной старшины, гетманова войска и полковников, в том числе из русских офицеров, высших церковных иерархов.

К моменту избрания гетманом Мазепы Левобережная Украина имела следующее административно-территориальное деление и внутреннее управление. Она была разделена на десять полков: Гадячский, Киевский, Лубенский, Миргородский, Нежинский, Переяславский, Полтавский, Прилукский, Стародубский, Черниговский. Эти административно-территориальные образования, в свою очередь, делились на сотни (примерно до 20 в каждом полку), сотни делились на курени, а последние объединяли несколько селений.

Управление Украиной осуществлялось гетманом, избрание которого подтверждалось царской грамотой. В его руках была сосредоточена не только административная и военная власть, но и высшая судебная: без его санкции смертная казнь не совершалась. При гетмане действовала генеральная старшина в составе генерального обозного, в ведении которого была вся артиллерия, генерального судьи, ведавшего генеральным судом, генерального подскарбия, ведавшего финансовыми делами, генерального писаря, ведавшего канцелярией, двух генеральных есаулов-инспекторов войска и адъютантов гетмана; примерно теми же функциями были

---

¹ Источники малороссийской истории, собранные Д. Н. Бантыш-Каменским. М., 1858. Ч. 1. С. 308—309.

наделены генеральный хорунжий и генеральный бунчуковый. Генеральная старшина составляла и внешний слой класса феодалов, – так, Мазепа владел 100 тыс. крестьян на Украине и 20 тыс. в соседних с ней уездах России. Генеральный писарь, а затем генеральный судья Василий Леонтьевич Кочубей, как пишет А. С. Пушкин, был «богат и славен... Его луга необозримы;

Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду, и под замками».

Не отставали от генерального писаря и другие представители старшины. Полковое управление копировало на уровне полка высшее управление. Во главе военно-административной и судебной власти стоял полковник, при нем – полковая старшина: обозный, писарь, есаул, судья, хорунжий. Официально все должны были быть выборными и утверждались гетманом специальным универсалом. Полковнику вручались символы власти: полковничий пернач, знамя и печать. Как свидетельствовал Кочубей, Мазепа «за полковничьи уряды великие берет взятки»². Сотенное управление состояло из сотника и сотенной старшины. Должности также были выборными. Выборы сотника подтверждались универсалом гетмана, после чего ему вручалась «корогва» (сотенное знамя). В состав старшины входили хорунжий, писарь, есаул. За исполнение своих обязанностей они получали денежную оплату в год от 25 до 50 золотых. Это отличало их от полковой и генеральной старшины, которая наделялась землей и крестьянами, не считая различных «подарков». На самой низшей ступени администрации стоял куренной атаман, которому подчинялись казаки куреня. Крестьяне и мещане куреней были подчинены войту. Эта стройная иерархия управления дополнялась отдельными волостями (подданными церкви) или староствами (гетманскими автономными владениями) – ими управляли старосты, которых назначал гетман. Таким был политико-административный строй Левобережной Украины во времена Мазепы.

Украинский народ стремился к объединению всех своих земель, но вместе с тем восставал против социального неравенства. Ловкий авантюрист и тонкий политик, Мазепа гетманствовал более 20 лет, что само по себе уже стало выдающимся событием в динамичной истории Украины того времени. Однако он вошел в историю Украины, в сознание ее свободолюбивого народа как «проклята Мазепа» – не как личность, а как символ зла. Если современники и ближайшие потомки в своих народных песнях и сказаниях иначе его и не называли, то в наши дни все громче раздаются иные оценки. В поисках истины всякий интересующийся жизнью и деятельностью И. С. Мазепы должен обратиться к историческим исследованиям о нем. На этом пути он в первую очередь встретится с исследованием Н. И. Костомарова, выдающегося историка, заслуги которого перед мировой наукой и культурой столь велики, что решением ЮНЕСКО год его столетия отмечался во всем мире.

Николай Иванович Костомаров родился в 1817 г. в помещичьей семье в селе Юрасовка Острогожского уезда Воронежской губернии. С 1833 г. учился в Харьковском университете на историко-филологическом факультете, в 1844 г. получил звание магистра. Уже в 1839 г. он издал два сборника украинских песен – «Украинские баллады» и «Ветка». Так началось его становление как литератора и этнографа, великолепного знатока украинской поэзии.

---

² Источники малороссийской истории... Ч. 2. С. 109.

По окончании университета он учительствует в ровенской, а затем в киевской первой гимназии, а в июне 1846 г. его избирают адъюнктом русской истории Киевского университета св. Владимира. Как впоследствии вспоминал Костомаров, процедура избрания его советом университета состояла в том, что он должен был прочесть на совете лекцию на заданную тему. В данном случае она сводилась к вопросу, «с какого времени следует начинать русскую историю». Лекция «произвела самое хорошее впечатление. По удалении моем из зала совета, — писал Костомаров, — произведена была баллотировка, а через час ректор университета, профессор астрономии Федотов, прислал мне записку, в которой известил, что я принят единогласно и не оказалось ни одного голоса, противного моему избранию. То был один из самых светлых и памятных дней моей жизни. Университетская кафедра давно уже для меня была желанною целью, которой достижения, однако, я не надеялся так скоро».

Так началась его научно-педагогическая деятельность на поприще истории России и Украины. И хотя Костомаров в цитированных выше воспоминаниях и писал, что он с этого момента «начал жить в совершенном уединении, погружившись в занятия историею»³, он не стал кабинетным ученым, своего рода Пименом, равнодушным к «добру и злу». Он не оставался глухим к зову реалий современной ему жизни, впитывая и разделяя освободительные идеи передовых людей России и Украины, широко распространявшиеся в начале 40-х годов прошлого столетия. Знакомство с первым выпуском «Кобзаря» Шевченко (1840 г.), с его поэмой «Гайдамаки» (1841 г.) и бессмертным «Заповітом» (1845 г.) оказало стимулирующее воздействие на Костомарова и его друзей, организовавших «Славянское товарищество св. Кирилла и Мефодия» (так оно названо в уставе, но известно под названием «Кирилло-Мефодиевского общества»). В 1990 г. вышло трехтомное собрание документов, отражающих историю этой организации⁴ и дающих возможность впервые досконально изучить это яркое историческое явление и роль Костомарова в нем. Среди так называемых вещественных доказательств в «деле Костомарова» находим его рукопись (автограф) на украинском языке под названием «Книга буття українського народу» («Книга бытия украинского народа»), где в форме библейского сказания формулируются важнейшие мировоззренческие позиции автора.

В стихе 10 автор пишет: «И Соломона, мудрейшего из всех людей, попустил Господь в великое безумие, а потому он это сделал, чтобы показать, что хоть какой будет умный, а как станет самодержавно править, то одуреет»⁵. Затем, живописуя уже евангельские времена, автор констатирует, что цари и паны, приняв учение Христа, извратили его («попереверчували»)». Это злодейское деяние Костомаров конкретизирует примером истории Руси, показывая, как свободно жили русичи без царя, а когда он воцарился, «кланяясь и целуя ноги хану татарскому басурману, вместе с басурманами закрепостил народ москалей» (стих 72). А когда «царь Иван в Новгороде душил и топил по десятку тысяч народу за один день, летописцы, рассказывая это, называли его христолюбивым» (стих 73). На Украине же «не сотворили ни царя, ни пана, а сотворили братство-козачество, к которому каждый мог примкнуть, будь он пан или невольник, но обязательно христианин. Там все были равны, и старшины избирались и обязаны были служить всем и на всех работать. И никакой помпы, никакого титула не было между козаками» (стих 75—76). Однако польские «паны и иезуиты хотели насильно повернуть Украину под свою власть... тогда на Украине появились братства, такие, как были у первых христиан», но Украина все же попала в неволю к Польше, и только восстание народа освободило Украину от польского ярма, и она пристала к Московии, как к славянской стране. «Однако скоро увидела Украина, что попалась в неволю, она, по своей простоте, еще не знала, что такое царь, а

³ Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. Киев, 1989. С. 476.

⁴ Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Київ, 1990. Т. 1—3.

⁵ Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. 1. С. 251 (здесь и далее перевод мой. — Б. Л.).

⁶ См. там же. С. 255.

царь московский это все равно, что идол и мучитель» (стихи 82—89). Тогда Украина «отбилась от Московии и не знала, бедная, куда ей повернуть голову» (стих 90). В результате она была разделена между Польшей и Русью, а это «есть самое негодное дело, что когда-либо случилось в мире» (стих 93). Затем автор сообщает о том, что царь Петр «положил сотни тысяч Козаков в канавах и на их костях построил себе столицу», а «царица Екатерина-немка, курва всесветная, явная безбожница, — доканала козачество, так как отобрала тех, которые были старшиной на Украине, и наделила их вольными братьями, и стали одни панамы, а другие — невольниками» (стихи 95—96). «И так пропала Украина, но это только кажется» — заключает автор (стих 97) и намечает выход: — Украина «скоро проснется и крикнет на всю широкую Славянщину, и услышат ее крик, и встанет Украина и будет независимой Речью Посполитою (т. е. республикой. — Б. Л.) в славянском союзе»⁷ (стихи 108—109).

Если к этому добавить и стихотворение, тоже на украинском языке, которое было изъято во время обыска на квартире Костомарова и ошибочно приписано жандармами Т. Г. Шевченко, но на самом деле написанное Костомаровым, то можно определить мировоззренческие и историко-философские позиции 30-летнего историка. Многое, конечно, для нас неприемлемо (например, тезис о том, что Екатерина II создала феодальный строй на Украине), однако анализ стихов позволяет определить идеологию Кирилло-Мефодиевского общества как национально-освободительную и демократическую; в формировании ее Костомаров, очевидно, принимал деятельное участие. Отметим, что Костомаров не был, пользуясь современным ходким термином, ни русофобом, ни полонофобом, ни украинским националистом. Он был человеком, глубоко верящим в необходимость братского единения всех славянских народов на демократических началах.

Горе тим, котрі говорять:
Наша власть од Бога,
А без страху над собою
Не знають нікого.
Горе вченим, котрі злее
Добрим нарікали,
Тим, що істину святую
Од простих ховали!

...Любітися, діти слави, Любов нас спасає!
Слава-честь тобі вівіки,
Орле наш двоглавий!
Бо ти шпонами своїми
Вирвеш із неволі,
Із поруги давній на світ
Слов'янську долю!⁸

Эти стихи свидетельствуют о надежде автора на освободительную миссию России, чей образ идентифицирован с символом «орле наш двоглавий».

Естественно, что на допросах Костомаров отрицал наличие общества и свою принадлежность к нему, объяснял, что золотое кольцо с надписями «Кирие элейсон» («Господи помилуй». — Б. Л.) и «Св. Кирилл и Мефодий» вовсе не знак принадлежности к обществу, а обычное кольцо, которое носят на пальце христиане в память о святых, ссылаясь при этом на широко

⁷ Там же. С. 256—258.

⁸ Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. I. С. 271.

распространенное кольцо с надписью в память святой Варвары. Но все эти объяснения не были приняты следователями и, как видно из определения III отделения собственной его императорского величества канцелярии от 30—31 мая 1847 г., утвержденного царем, он был признан виновным (тем более «что он был старше всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления») и приговорен к заключению «в Алексеевский рavelин на один год» с последующей отправкой «на службу в Вятку, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора; изданные же им под псевдонимом Иеремии Галки сочинения „Украинские баллады“ и „Ветка“ воспретить и изъять из продажи»⁹.

Николай I разрешил свидания Костомарова с матерью только в присутствии коменданта крепости, а когда мать начала буквально бомбардировать III отделение прошениями о досрочном освобождении сына и отправке его в Крым на лечение в связи с его болезнью, ни одно прошение не было удовлетворено, на них всегда появлялась краткая, как выстрел, резолюция «нет», начертанная рукой управляющего отделением Л. В. Дубельта.

Когда же Костомаров отсидел год в крепости, то и тогда он вместо испрашиваемой матерью замены ссылки в г. Вятку ссылкой в г. Симферополь был по распоряжению Николая I отправлен в г. Саратов с выдачей ему 300 руб. серебром единовременного пособия. Правда, вовсе не из чувства сострадания, а только потому, что, как докладывал всесильный шеф жандармов и начальник III отделения генерал-адъютант Орлов, надломленный Костомаров «поставил себе первым долгом письменно изъяснить живейшую верноподданическую признательность Вашему Императорскому Величеству за то, что Ваше Величество, вместо строгого наказания, по чувствам благодати своей, даровали ему еще возможность загладить усердною службою прежнее его заблуждение»¹⁰. Эта отправка в Саратов не означала еще полного освобождения, так как Костомарова сопровождал жандарм, поручик Альпен, который должен был следить за тем, чтобы его поднадзорный не входил «с посторонними лицами в излишние разговоры». Поручик, так сказать, «сдал» Костомарова саратовскому гражданскому губернатору М. Л. Кожевникову. Правда, Орлов приписал на официальном отношении к Кожевникову: «Прошу быть к нему милостиву, человек с достоинствами, но заблуждался и искренне раскаивается»¹¹, что, впрочем, не помешало ему обратиться к министру внутренних дел Л. А. Перовскому с предложением об установлении над Костомаровым «строжайшего надзора»¹². Аналогичное распоряжение он отправил начальнику 7-го округа корпуса жандармов Н. А. Ахвердову, чтобы тот установил в подведомственном ему Саратове секретное наблюдение за Костомаровым и докладывал через каждые полгода о его поведении¹³.

Саратовская ссылка – важный этап в идейном развитии Костомарова, здесь он сблизился с Н. Г. Чернышевским и историком Д. Л. Мордовцевым, только начавшим в эти годы разрабатывать историю народных движений и самозванства. Работая в губернском правлении, Костомаров имел возможность ознакомиться с секретными делами, среди которых имелись дела и по истории раскола. В Саратове он написал ряд трудов, которые при их публикации уже после ссылки и в условиях общественного подъема 50—60-х годов XIX в. стали широко известны, выдвинув их автора в первый ряд среди тогдашних историков. Особое место в этих исследованиях занимают труды по украинской истории.

В эти же годы Костомаров добивается, говоря современным языком, реабилитации. 31 мая 1855 г. он обращается к недавно вступившему на престол Александру II с прошением, в котором пишет: «В настоящее время, когда Ваше Императорское Величество изволили озна-

⁹ Там же. С. 308.

¹⁰ Там же. С. 325.

¹¹ Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. 1. С. 326.

¹² Там же. С. 327.

¹³ Там же. С. 328.

меновать Ваше вступление на престол делом безмерного милосердия, проливающего луч утешения самым тяжелым преступникам, я дерзаю молить державную благость Вашу, государь, о милосердии ко мне. Если бы надзор надо мной ограничивался единственно наблюдением над моими политическими убеждениями, то я бы и не осмелился желать освободиться от него, ибо я других убеждений не имею, кроме тех, какие предписывает мне закон и любовь к своему монарху. Но надзор полиции, соединенный с необходимостью находиться исключительно в одном месте, стесняет меня в моей служебной и домашней жизни и лишает меня средств к поправлению болезни зрения, которою я страдаю уже несколько лет. Государь-отец! Удостойте оком сострадания одного из заблуждавшихся, но истинно раскаявшихся детей великого Вашего семейства русского, соизвольте предоставить мне право служить Вам, государь, и жить в неволе во всех местах Российской империи Вашего Императорского Величества»¹⁴

Коллегия прошений переслала прошение Костомарова в III отделение. 27 июня 1855 г. А. Ф. Орлов в своем письменном докладе поддерживает просьбу Костомарова, попутно сообщая, что «из лиц, прикосновенных к тому же обществу, коллежский регистратор Гулак, который был главною причиною составления общества, а также чиновники Бслозерский и Кулиш, не менее Костомарова виновные, уже получили всемилостивейшее прощение»¹⁵. На этом документе Александр II карандашом наложил резолюцию «согласен». Но это сравнительно быстрое удовлетворение просьбы Костомарова все же еще не означало предоставления полной свободы деятельности, так как А. Ф. Орлов, сообщая министру внутренних дел Д. Г. Бибикову о решении царя, предупредил, что Костомарову не разрешается служить «по ученой части». Итак, освобожденный от надзора Костомаров в декабре 1855 г. выехал в Петербург. В это же время он предложил редактору «Отечественных записок» свою работу «Век царя Алексея Михайловича», но цензор журнала потребовал справку о снятии запрещений на сочинения Костомарова, наложенных еще в 1847 г. Костомаров в январе 1856 г. обратился с просьбой о разрешении публикации этой статьи в III отделение и получил разрешение на публикацию с резолюцией Л. В. Дубельта: «Только строго цензировать»¹⁶.

Из крупных работ Костомаров публикует в 1856 г. в «Отечественных записках» свою работу «Борьба украинских Козаков с Польшею в первой половине XVII века до Богдана Хмельницкого», а в 1857-м – «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России». Эти исследования знакомили широкий круг русской читающей публики с яркими страницами истории братского народа, утверждали неразрывность исторических судеб двух славянских народов. Они явились также заявкой на дальнейшее развитие украинской тематики.

Но и в области русской истории Костомаров продолжал заниматься ранее не исследованными проблемами. Так, в 1857—1858 гг. «Современник» печатает его работу «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях», а в 1858-м появляется на страницах «Отечественных записок» его знаменитый «Бунт Стеньки Разина» – произведение остроактуальное в условиях назревавшей первой революционной ситуации в России.

Но оставалась еще одна преграда его научно-педагогической деятельности. 27 сентября 1857 г. Костомаров пишет новому начальнику III отделения В. А. Долгорукову: «Не сознавая в себе ни охоты, ни способностей к гражданской службе и притом занимаясь с давнего времени отечественной историею и древностями, я желал бы вступить снова в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения... Если милость государя императора, освободившая меня от надзора, не отменяет прежнего высочайшего повеления в бозе почившего государя императора о недопущении меня к ученой службе, благоволите, ваше сиятель-

¹⁴ Там же. Док. № 466. С. 350.

¹⁵ Там же. Док. № 467. С. 351.

¹⁶ Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. 1. Док. № 472. С. 353.

ство, повергнуть к стопам всемилостивейшего государя императора мою всеподданническую просьбу о даровании мне права вступить в ученую службу по ведомству Министерства народного просвещения»¹⁷. Князь Василий Андреевич уже 8 октября распорядился переговорить по этому поводу с министром народного просвещения, последний же счел «неудобным допущение Костомарова служить по ученой части, разве только библиотекарем»¹⁸.

Между тем совет Казанского университета в 1858 г. избрал Костомарова профессором; как следовало ожидать. Министерство народного просвещения не утвердило это избрание. Однако в 1859 г. попечитель Петербургского учебного округа ходатайствовал о назначении Костомарова исправляющим должность ординарного профессора российской истории Петербургского университета, о чем свидетельствует отношение товарища министра народного просвещения В. А. Долгорукову. Последний сообщил, что для этого требуется высочайшее разрешение, которое, очевидно, было получено, так как в справке III отделения от 24 ноября 1859 г. читаем: «Костомаров известен своею ученостию по части истории, и первая лекция, прочитанная им на днях в здешнем университете, заслужила общее одобрение слушателей, в числе которых было много посторонних лиц»¹⁹.

Итак, попытка совета Петербургского университета избрать Костомарова экстраординарным профессором по кафедре русской истории увенчалась успехом. Костомаров «завоевывает» столицу благодаря нашумевшей дискуссии с известным историком М. П. Погодиным о крепостничестве в России, а годом позже – в связи с его аргументированным выступлением против так называемой норманнской теории происхождения Руси, разделяемой Погодиным.

В конце 50-х годов прошлого века в связи с подготовкой отмены крепостного права приобрел особое актуальное звучание вопрос о его происхождении. М. Н. Погодин, придерживающийся взгляда «безуказного закрепощения» (т. е. концепции естественного, природного характера постепенной эволюции свободного крестьянства в зависимое положение, которая позволяла противникам реформы утверждать, что государство не должно законодательно лишать помещиков этого права), в 1858 г. в «Русской беседе» опубликовал статью «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?», в которой пытался доказать, что «личное крепостное право не возникло юридически, а образовалось само собою, вытекая из обстоятельств народной жизни...»²⁰ Костомаров в ответной статье под тем же заглавием последовательно провел источниковедческий анализ не только указов Бориса Годунова, но и указа от 21 ноября 1597 г. (как и не сохранившегося указа 1592 г.), и пришел к выводу, что «мысль о том, будто Борис не прекращал юрьевского перехода (т. е. права перехода от одного помещика к другому за неделю до Юрьева дня и неделю после него. – Б. Л.) и что это право существовало после него и в XVII веке, – не принимает характера исторической истины после доказательств г. Погодина...»²¹ Отметим при этом, что современная литература признает: хотя указы 1601—1602 гг. Бориса Годунова частично разрешали крестьянские выходы, установлены, по крайней мере, три указа о запрещении выхода (1581 г., 1592—1593 гг., 1603—1604 гг.), причем о первом и последнем узнаем из вновь обнаруженной летописи²², которая не была известна Костомарову. Однако его принципиальная позиция отрицания «безуказного закрепощения» выдержала проверку временем.

Для характеристики степени общественной активности и душевного состояния Костомарова с момента, когда он был освобожден от надзора и ссылки, и до утверждения его профес-

¹⁷ Там же. Док. № 475. С. 355.

¹⁸ Там же. Док. № 476. С. 356.

¹⁹ Кирило-Мефодіївське товариство у трьох томах. Т. I. Док. № 480. С. 358.

²⁰ Собрание сочинений Н. И. Костомарова. Исторические монографии и исследования. СПб., 1903. Кн. 1. С. 217.

²¹ Там же. С. 235.

²² См.: Коретский В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 81.

сором Петербургского университета нелишне будет сообщить, что он успел в 1857 г. в течение восьми месяцев посетить Швецию, Германию, Францию, Италию и Австрию, попутно работая в архивах и библиотеках (особо отметим работу в Швеции, давшую материал для монографии о Мазепе), а после возвращения в 1858 г. непосредственно включился в работу по подготовке крестьянской реформы, став делопроизводителем Саратовского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. В 1859 г., когда губернские комитеты фактически прекратили свою деятельность, он переехал в Петербург, заменив ушедшего в отставку профессора Н. Г. Устрялова.

К началу 60-х годов Костомаров прочно утвердился как превосходный лектор и один из ведущих историков. Он опубликовал в «Современнике» в 1860 г. «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях», в «Русском слове» – работу «Русские инородцы. Литовское племя и отношения его к русской истории», и, наконец, в 1863 г. вышло отдельной книгой одно из фундаментальнейших исследований Костомарова «Севернорусское народоправство во времена удельно-вечевого уклада. Новгород – Псков – Вятка».

К этому времени Костомаров, освистанный недовольными студентами, вынужден был покинуть преподавательскую кафедру. Студенты недовольны были, как им казалось, неблагоприятным поступком профессора, не присоединившегося к акции протеста против высылки профессора П. В. Павлова. Этот эпизод достаточно подробно описан Костомаровым в его автобиографии. Воспользуемся его рассказом. Когда в 1861 г. в связи со студенческими выступлениями был закрыт Петербургский университет, а в начале 1862 г. много арестованных студентов выпущено из крепости, возникла идея чтения публичных лекций за весьма умеренную плату, чтобы наверстать вызванные закрытием университета потери. Костомаров в начале февраля 1862 г. начал чтение курса русской истории с XV в. По его собственным словам, он не вмешивался в студенческие дела: «Я не принимал ни малейшего участия в тогдашних (1861 г. – Б. Л.) университетских вопросах, и хотя студенты часто приходили ко мне, чтобы потолковать со мною, что им делать, но я отвечал им, что не знаю их дел, что знаю только науку, которой всецело посвятил себя, и все, что не относится непосредственно к моей науке, меня не интересует. Студенты были очень недовольны мною за такую постановку себя к их студенческому делу...»²³. Это был тот фон, на котором разыгрались события весны 1862 г., когда уже функционировал свободный университет, доступный для всех желающих слушать читаемые в просторном зале городской Думы лекции. 5 марта профессор этого университета П. В. Павлов не в здании Думы – официальном месте чтения лекций, – а в частном доме на Мойке, где проходил литературный вечер, прочел свою статью «Тысячелетие России». В тексте, который он накануне показал Костомарову, тот не нашел ничего, что могло бы «обратить неблагоприятное внимание властей»²⁴. Эта статья, и особенно сопровождавший ее взятый из «Евангелия» рефрен – «имеющие уши слышати, да слышат», вызвала бурный восторг студентов. На следующий день Павлов был арестован.

В ответ на арест часть профессоров под влиянием студенческих требований прекратила читать лекции. Костомаров же возражал против этого, утверждая, что «прекращение лекций не имеет никакого смысла»²⁵.

Когда Костомаров 9 марта пришел читать лекцию, часть студентов, требовавших прекращения лекций в знак протеста против ареста Павлова, устроила ему обструкцию; другие же, по словам историка, кричали «Браво, Костомаров!». Костомаров написал от имени группы профессоров прошение министру народного просвещения об освобождении Павлова, но оно не дало результатов. Вскоре Павлов был сослан в Кострому, а сам Костомаров, уязвленный

²³ Костомаров Н. И. Исторические произведения. Автобиография. С. 547.

²⁴ Там же. С. 551.

²⁵ Там же. С. 553.

неблагодарностью студентов, подал прошение об отставке. С тех пор он не занимался преподавательской деятельностью, целиком сосредоточившись на научной работе.

Ниже мы коснемся только украинской тематики в творчестве Костомарова. Как уже отмечалось, первые публикации его исследования посвящены истории Украины XVI в.: в 60—70-е годы Костомаров продолжает изучать события в их хронологической последовательности, посвящая свои работы гетманствам Выговского (публикация 1861 г.), Юрия Хмельницкого (публикация 1868 г.). В 1879—1880 гг. он публикует в «Вестнике Европы» свой труд «Руина. Историческая монография, 1663—1687. Гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Самойловича» и наконец подходит ко времени гетманства Мазепы.

Следует сказать, что в исторической науке того времени (как, впрочем, и нашего недавнего) эта тема была запретной. Разумеется, официально она не запрещалась, но с того момента, когда Мазепа 12 сентября 1708 г. был предан анафеме одновременно в скромной глуховской Троицкой церкви и величественном Успенском соборе Московского Кремля, его имя оказалось как бы вычеркнутым из истории.

Однако Костомаров, уже имевший опыт исторического исследования, связанного с именем тоже преданного анафеме Степана Разина, взялся за «запретную» тему, что само по себе было смелым поступком. Опубликованное в 1882 г., за три года до смерти автора, исследование «Мазепа» является одним из самых блистательных произведений Костомарова, в котором проявились не только повествовательный талант автора, но его незаурядные источниковедческие способности, высокая археографическая культура. Автор свободно оперирует материалом, почерпнутым из фондов Малороссийского приказа, он глубоко изучил фонды петровских учреждений, шведских и польских рукописных и печатных собраний, всевозможные акты и летописи, работы шведских историков и дневники шведских полководцев.

Учитывая свое положение первопроходца, автор скрупулезно перечисляет все материалы, которые составляют источниковую базу исследования. Этот громадный фактический материал так глубоко проанализирован и так блистательно изложен, что все последующие исследователи, чьи оценки Мазепы не только не совпадают, но даже противоположны концепции Костомарова, не могли игнорировать его исследование.

Есть все основания утверждать, что работа над «Мазепой» – настоящий подвиг Костомарова как ученого, 60-летний больной человек, перенесший два инсульта, страдавший серьезной болезнью глаз, начиная с ранней весны 1877 г. напряженно работал в московских архивах.

Ежедневно не менее семи часов в день он разбирал рукописи, копировал или выписывал отдельные тексты, изучал польские и шведские источники, параллельно набрасывая части своей будущей монографии. И так в течение четырех лет. Летом 1881 г. жена Костомарова сообщила Мордовцеву, что она обычно с 12 до 4 часов дня пишет текст «Мазепы» под диктовку мужа, а уже к концу 1882 г. эта работа начала печататься в «Русской беседе»²⁶.

До последнего времени можно было наблюдать хотя и парадоксальное, но трогательное единство в оценке идейных позиций Костомарова советских историографов и зарубежных националистов. Так, в 1967 г. издательство Мичиганского университета выпускает исследование с характерным названием: «Николай Иванович Костомаров: русский историк, украинский националист, славянский федералист» (Popazian Dennis. «Nickolas Ivanovich Kostomarov: russian historian, ukranian nationalist, slavic federalist»), а семью годами раньше выходит в издательстве «Наука» второй том «Очерков истории исторической науки», в котором на с. 146 черным по белому напечатано: «Костомаров вошел в историографию в первую очередь как выразитель взглядов и интересов зарождающегося украинского буржуазно-помещичьего национализма». Поистине крайности сходятся.

²⁶ См.: Котляр М. Ф. Микола Іванович Костомаров і його життєпис політичного авантюриста. – Український історичний журнал. 1988. № 9. С. 139.

Каким же предстает перед нами автор «Мазепы»? Если бы характеристика Костомарова как украинского националиста соответствовала реальности, то мы бы скорее всего в книге увидели в Мазепе идейного борца за «самостийность» Украины, героя-мученика, потерпевшего поражение. Таким его и рисовали действительные националисты, начиная от основоположника националистической украинской историографии В. Б. Антоновича, не говоря уже о далеком от науки Ф. М. Уманце, авторе апологетического писания «Гетман Мазепа» (Спб., 1897), которое было блистательно раскритиковано выдающимся украинским историком XIX в. А. М. Лазаревским²⁷. Несмотря на это, эстафету Ф. М. Уманца подхватили некоторые современные публицисты.

Но Костомаров рисует совсем иной образ Мазепы. Для Костомарова Мазепа – авантюрист, чуждый всякой национальной идее, готовый служить тем, кто обеспечивает его ненасытное стремление к богатству и власти, и до тех пор, пока это ему, Мазепе, лично выгодно. Он вовсе не предатель украинского народа, ибо никогда не был представителем народных интересов, он предатель вообще, по складу своего характера; и в то же время человек незаурядный – незаурядный в своем умении войти в доверие к «сильным мира сего».

Скинув своего благодетеля – гетмана Самойловича и сев на его место не без помощи могущественного временщика, фаворита царевны Софьи В. В. Голицына, он в благодарность за оказанное покровительство преподнес князю 10000 руб., взятых из конфискованной сокровищницы Самойловича. Пользуясь покровительством князя, Мазепа расправился со всеми, кто был близок к Самойловичу, и заодно с теми, кто, по его мнению, мог бы сыграть с ним такую же шутку, как он с Самойловичем. Когда Софья оказалась в опале, а с нею и Голицын, Мазепа сумел очень быстро войти в доверие к молодому царю Петру I. И это доверие было настолько прочным, что Петр, не раздумывая, отметал поток доносов на Мазепу, хотя многие из них содержали честное изложение фактов о граничащих с изменой действиях Мазепы. Он был изобретателен в своей жестокости, коварен по отношению к своим ближайшим сотрудникам – награждая явно, он тайно порочил их в своих донесениях царю, который принимал, как правило, решения, желательные Мазепе. Так разыгралась трагедия Кочубея, столь памятная каждому, кто прочел поэму «Полтава» А. С. Пушкина.

Мазепа был тонким политиком, но его политика не имела ничего общего с защитой интересов украинского народа, она целиком была направлена на укрепление собственных позиций гетмана, на всемерное обогащение, на ограбление и закрепощение украинских крестьян. Он был беспощаден при подавлении народных восстаний против усиливавшегося крепостнического гнета, яростно защищая интересы украинских феодалов. К моменту своей открытой измены Петру он был самым богатым человеком на Украине, ничуть не уступавшим по своим земельным владениям и количеству крепостных польским магнатам или крупнейшим русским феодалам начала XVIII в. Измена Петру вовсе не была актом покаяния, действием одумавшегося национального героя – это вполне банальное действие азартного игрока, рассчитывавшего погреть руки на показавшейся ему реальной победе Карла XII над Петром. Если бы эта победа не обернулась сокрушительным поражением, то и тогда переход Мазепы на сторону Карла XII и Польши сулил Украине не государственную самостоятельность, а возвращение под иго польской шляхты.

Так что Мазепа был не родоначальником украинской национальной идеи, как об этом громогласно шумят современные апологеты Мазепы, а образчиком той известной категории авантюристов феодальной поры, которые, преследуя свою выгоду, часто меняли своих партнеров.

²⁷ Лазаревский А. М. Очерки, заметки и документы по истории Малороссии. Т. 5. Заметки о Мазепе (по поводу книги Ф. М. Уманца «Гетман Мазепа»). Киев, 1899.

Украинский народ не принимал «своего», с точки зрения современных украинских националистов, «благодетеля». Костомаров пишет, что среди украинцев «всегда было огромное число таких, которые были бы рады, если бы только узнали, что царь его сменяет», и замечает, что когда Мазепа отступил к шведской стороне, неприязненной царю, «тогчас же последовали челобитные, заверявшие о преданности малороссиян московскому престолу, и притом не только из того края, где уже находились великороссийские ратные силы, – подчеркивает он, – но и из таких полков, где их еще не было, – следовательно, нельзя признавать их только действием страха».

Новейшие разыскания советских историков документально подтверждают характеристику Мазепы, данную Костомаровым. Так, М. Ф. Котлярь обнаружил в рукописном отделе Ленинградского отделения института истории АН СССР среди бумаг А. Д. Меншикова письмо к нему Мазепы, в котором он настоятельно советует уничтожить Запорожскую Сечь, но сделать это руками русских солдат, так как ему неудобно уничтожить украинское казачество, а царским войскам это можно делать под предлогом необходимости обезопасить южные границы и обеспечить нерушимость мирных договоров с Турцией и Крымским ханом²⁸. Это письмо не имело последствий – то ли потому, что всемогущий Меншиков не очень доверял Мазепе (единственный, кстати, в окружении Петра), то ли по какой-то другой причине. Этого документа, очевидно, Костомаров не знал, хотя также писал о яростной ненависти Мазепы к «гультаям» Запорожской Сечи.

В своем исследовании Костомаров по-прежнему остается верен идее славянского единства, союзу славянских народов, вовсе не замалчивая факты насилия царской власти по отношению к Украине. На последних страницах книги Костомаров особенно четко формулирует свое понимание истории взаимоотношений России и Украины: «Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с „москалями“, напротив, мы на каждом шагу натываемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиян от верности к русскому царю. И однако вышло не то. Народ инстинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменили к нему народной антипатии. Народ инстинктивно видел, что его тянут на гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю, даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно выбрать меньшее. Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее».

Такова та историческая правда, которую сформулировал Костомаров как результат своего исследования. Это написано свыше ста лет тому назад, в обстановке начавшейся эпохи контрреформ. В наши дни эта истина никак не устраивает ни украинских националистов, ни русских горе-патриотов. Но она не может быть опровергнута и не устаревает. А мысль Костомарова, завершающая книгу, даже злободневна. Повторим ее: «Если в те времена, когда действительно поступки московских властей возбуждали в народе возможность стать враждебно к Русской державе, народ этот из инстинктивного чувства остался верен этой державе, то невозможно подозревать что-нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немыслимо в силу освященного опытом сознания обоюдной пользы их соединения».

²⁸ См.: Котлярь М. Ф. Указ. соч. С. 137.

Предлагаемое читателям сочинение Костомарова является первым в советское время переизданием книги. Правда, «Український історичний журнал» начал в 1988 г. со своего восьмого номера перепечатку отдельных глав этой книги. И журнальная публикация, и настоящее издание основываются на тексте, опубликованном в «Собрании сочинений Н. И. Костомарова. Исторические монографии и исследования». Т. 16 (Спб., 1905). В тексте исправлены без оговорок типографские опечатки. В отличие от журнальной публикации, в настоящем издании сохраняются очень важные элементы книги Костомарова: в конце книги публикуется главка «Источники», дающая, как уже говорилось, четкое представление о богатстве и фундаментальности источниковой базы исследования, сохранены краткие изложения содержания, предвещающие каждую главу. Ввиду того что читатель получит подробную характеристику источниковой базы и в связи с полной потерей справочного значения, подстрочные ссылки автора не приводятся. Эти ссылки были двоякого рода: а) указание на местонахождение источника использованного архивного документа, б) прямое цитирование иноязычных источников, текст которых приведен автором в переводе полностью или в пересказе. Эти подстрочные примечания в момент выхода книги являлись важным доказательством научной добросовестности автора и соответствовали правилам издания научной книги. Правомерность отказа от публикации подстрочных примечаний в настоящем издании основывается на том, что все ссылки первой группы потеряли свое справочное значение в связи с реорганизацией системы хранения и, следовательно, перешифровки соответствующих архивных дел. Ссылки же второй группы опускаются потому, что публикатор, тщательно проверив переводы или пересказы документов автором с соответствующими текстами подстрочных ссылок, пришел к выводу об их полной аутентичности при переводе и полном соответствии их содержания при пересказе. Сохранены лишь под цифровыми обозначениями авторские комментарии географического характера. Для того чтобы читатель получил представление о научном оформлении исследования, а также ввиду особого интереса для широкого читателя двенадцатой главы, в которой повествуется о трагедии Кочубея, и изложены реальные исторические факты, получившие художественное воплощение в поэме Пушкина «Полтава», эта глава публикуется со всем научно-справочным аппаратом Костомарова.

Публикатор отказался от попыток интерпретации фактов, изложенных в исследовании Костомарова, ограничившись только необходимыми разъяснениями отдельных терминов и понятий, мало известных или совсем не известных читателю (они даны под звездочками).

Уязвимые стороны концепции Костомарова, особенно касающиеся его оценки народных движений, запорожского казачества, отдельных выдающихся предводителей казачье-крестьянских восстаний, публикатор не считал возможным комментировать, имея в виду, что современную трактовку исторической фигуры И. С. Мазепы и его времени читатель может найти в главе «Измена Мазепы» книги известного советского историка Н. И. Павленко «Петр Великий», вышедшей в издательстве «Мысль» в 1990 г.

Глава первая

Происхождение Мазепы. – Его юность. – Пребывание при польском королевском дворе. – Приключение с Фальбовскими. – Переход Мазепы к козакам. – События в его жизни до избрания в гетманы. – Избрание. – Укрощение своевольств. – Поступок с имуществом Самойловича. – Постройка Новобогородска. – Недовольство запорожцев. – Преследование сторонников Самойловича. – Нерасположение гетмана к митрополиту Гedeону Четвертинскому, его племяннику и некоторым стариинам. – Первый донос на гетмана.

По известию, доставленному в Археографическую комиссию²⁹ графом Брюэль-Плятером, Иван Степанович Мазепа-Колединский, шляхетного происхождения герба Бонч, родился в 1629 году. Сообщение это имеет вес: граф Брюэль-Плятер – сам владелец архива князей Вишневецких и кроме того всегда находился в сношениях с другими польскими владельцами старинных архивов; но это сообщение, не подтвержденное никакими современными свидетельствами, противоречит шведским известиям тех современников, которые близко видели и знали Мазепу в 1708 году; они говорят, что тогда было ему 64 года от рождения, тогда как ему должно было быть 79 лет, если б он родился в 1629 году. Очень может быть, что оба известия не вполне точны, как это читатель заметит из некоторых черт его жизни.

По общему мнению современников, Мазепа был уроженцем из малороссийского края и увидел впервые Божий свет в селе Мазепинцах, лежащем недалеко от Белой Церкви, на реке Каменке. Это имение пожаловано было в 1572 году королем Сигизмундом-Августом предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому, с обязательством отправлять за него службу по староству Белоцерковскому. Сам Иван Степанович, будучи уже гетманом, сообщал в Малороссийский приказ, что у родителей его было двое детей – сын и дочь, и отец отправил сына, т. е. его, Ивана Степановича, на воспитание ко двору Яна-Казимира, где он был «покоевым». Король послал его в числе трех молодых шляхтичей куда-то за границу для образования на три года: король Ян-Казимир имел обыкновение каждый год высылать с этою целью трех молодых людей шляхетского звания на королевский счет. По возвращении из чужих краев в 1659 году мы встречаем Мазепу в качестве королевского придворного с важным поручением к гетману козацкому Ивану Выговскому, а в следующих годах – к гетманам Юрию Хмельницкому и (в 1663 году) к Павлу Тетере.

Видно, что хотя он был еще в молодых летах, но уже пользовался доверием короля, как человек умный и сметливый. Несомненно, в то время он был верен польской власти. Вскоре с ним случились события, побудившие его удалиться от двора королевского и потом вовсе из Польши.

Рассказывают, что этот молодой человек, по своему времени отлично воспитанный, приобрел при королевском дворе светский лоск и притом, одаренный красивой наружностью, имел способность нравиться женщинам; он завел тайную связь с одной госпожой, но муж последней, подметив это, приказал схватить Мазепу, привязать к лошадиному хвосту и пустить в поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная к господину из Украины, очутившись на воле, понеслась с привязанным к ее хвосту человеком в украинские степи. Козаки нашли его полумертвым от боли и голода, привели в чувство, и он, оправившись, остался между козаками. Другой историк, Стебельский, рассказывает тот же анекдот, прибавляя, что господин, с женой которого был в связи Мазепа, раздел его донага, облил дегтем, обсыпал пухом, посадил на дикую лошадь, привязав его к ней веревками, и пустил на произвол судьбы. Подобное излагается и в истории Отвиновского. Это рассказано подробнее и правдоподобнее в записках Паска,

---

²⁹ Петербургская Археографическая комиссия учреждена в 1834 г. для публикации документов по истории России.

служившего разом с Мазепою при дворе Яна-Казимира и сообщающего несколько сведений о молодости Мазепы. По его известиям, в 1661 году Мазепа, находясь при королевском дворе, оговорил перед королем своего товарища Паска, будто последний, по поручению коронного войска, находившегося тогда во вражде с королем, ездил к войску литовскому подушать его против своего государя. Паска арестовали, разобрали дело, оправдали, и король подарил ему 500 червонцев, а Мазепа был временно удален от двора, но скоро опять был допущен. В следующем 1662 году Пасек, на забывая причиненного ему оскорбления и будучи навеселе, ударил Мазепу, Мазепа схватился за оружие. Бывшие при этом свидетелями придворные не приняли сторону Мазепы, потому что не любили и не уважали его: он был «козак» и в их глазах «не слишком-то благородный» (*nie bardzo nobilitowany*). Драка во дворце, да еще в преддверии покоев, где находился тогда король, считалась большим преступлением, но король, услышавши об этом, сказал: «Клевета показывается больнее раны. Хорошо еще, что не столкнулись между собою где-нибудь на дороге». Он призвал к себе Паска и Мазепу, приказал им перед своими глазами обняться и простить друг другу взаимные оскорбления.

На следующий 1663 год Мазепа вышел из Польши, по выражению Паска, со срамом. Пасек описывает в таком виде приключение с чужой женой и ревнивым мужем. На Волини была у Мазепы деревушка, по соседству с ним жил в своем имении какой-то пан, по фамилии Фальбовский. Проживая временно в своей деревне, Мазепа втерся в дом к Фальбовскому, понравился жене его и стал бывать там часто в такое время, когда хозяина не было дома. Домашние слуги донесли пану, что Мазепа и пани Фальбовская пересылаются между собой записками, а при свидании наедине беседуют. Пан Фальбовский, не сказавши ничего жене, попрощался с нею, как будто отправляясь куда-то далеко, и выехал со двора. Отъехавши немного, он остановился на той дороге, по которой, как ему донесли, Мазепа ездил к жене его. Вдруг бежит обычный посланец с запиской от жены к Мазепе – это был тот самый слуга, который открыл пану о связи его жены с Мазепой. Пан Фальбовский взял у слуги женину записку и прочитал в ней любезное приглашение Мазепе с извещением, что муж уехал в далекий путь. Фальбовский возвратил записку посланцу и сказал: «Поезжай и проси ответа. Скажи, что пани приказала скорее!» Слуга поехал далее с запиской, а пан остался ждать на месте, так как до Мазепина двора оттуда не было и двух миль. Исполнивши свое поручение, посланец ворочался назад с ответною запискою Мазепы, в которой было обещание приехать тотчас. Немного прошло времени, как едет и сам Мазепа. Встретились, повидались как добрые знакомые. «Куда едете, ваша милость?» – спрашивал пан Фальбовский. Мазепа назвал какое-то иное место. «Ко мне прошу заехать!» – сказал пан Фальбовский. Мазепа отговаривался тем, что ему надобно спешить в названное им место, и при этом заметил: «Да ведь и вы, пане, я вижу, также куда-то едете». Тут пан Фальбовский хватает Мазепу за шиворот, показывает его записку к своей жене и говорит: «А это что?» Мазепа стал ни жив ни мертв. Он уверял, что едет к нему в дом в его отсутствие в первый раз. «Хлоп! – сказал Фальбовский слуге, который недавно возил к Мазепе записку. – Сколько раз этот господин бывал в моем доме без меня?» Служитель отвечал: «Столько раз, сколько у меня волос на голове». Фальбовский сказал Мазепе: «Выбирай теперь себе род смерти!» Мазепа просил не убивать его и во всем признался. Фальбовский приказал ему раздеться донага, посадил на собственном коне без седла, оборотивши лицом к хвосту, а затылком к голове лошади, приказал связать ему руки назад, а ноги подвязать веревками под брюхо лошади, потом велел коня, пылкого по натуре, напугать криком и ударами плети да вдобавок произвести у него над самыми ушами несколько выстрелов. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой тропинке, которая шла зарослями посреди шиповника, диких груш и терновых кустов. Даже и тот, кто бы держал поводья в руках, должен был, едучи по этой тропинке, беспрестанно нагибаться и уклоняться от колючих растений, иначе могла задеть его по голове ветка или разодрать платье, а каково то было, говорит описатель, голому, посаженному задом к конской голове, сидеть на коне, когда тот от испуга и боли летел

что есть духу!... Мазепу, когда он выехал из дома, провожало двое или трое служителей, но пан Фальбовский не пустил их с господином, чтоб они не могли спасать его. Конь донес Мазепу до ворот его двора еле живого. Мазепа кричит, зовет сторожа; сторож, слышавши голос хозяина, отворил было ворота, но как увидел на коне пугало, тотчас затворился и спрятался. Мазепа зовет дворню: дворня выглядывает из-за дверей и только крестится. Мазепа уверяет людей, что он их господин, но они ему не верят, и с большим трудом мог он объясниться с ними, пока его впустили во двор, прозябшего и исколотого до крови.

Пасек, личный недоброжелатель Мазепы, говорит, что именно после этого происшествия он покинул навсегда Польшу от стыда. Но летопись Величка, сообщающая между прочим, что Мазепа поступил ко двору Яна-Казимира уже после того, как обучался в Киеве риторике, а потом где-то философии и при своих природных способностях получил всестороннее образование («яко был беглец во всяких речах»), говорит, что Мазепа оставил придворную службу тогда, когда король Ян-Казимир предпринял поход с войском налевую сторону Украины под Глухов и на пути остановился в Белой Церкви, следовательно, в конце 1663 года. Здесь Мазепа отклонился от войска короля и остался при своем старом отце, жившем в своем имении, в селе Мазепинцах. Когда Павло Тетеря, считавшийся с польской стороны козацким гетманом, убежал в Польшу, а козацким предводителем стал Петро Дорошенко, Иван Степанович Мазепа пристал к последнему и тотчас обратил на себя его внимание своими способностями и ловкостью («для своей росторопности и цекавости»). Сперва он сделан был ротмистром гетманской надворной компании, потом получил чин писаря. Будучи у Дорошенка, Мазепа вступил в брак с богатою вдовой Фридрикевич, у которой от первого брака был сын по имени Крыштоф. Брак этот совершился в Корсуне. Нам неизвестно, какое имя носила его жена по родителям, но она была родственница прилуцкому полковнику Горленку.

Дальнейшие события жизни этого человека – его первое прибытие в Переяслав к гетману Самойловичу в качестве посла от Дорошенка, его посылка в Турцию с невольниками, когда он был схвачен на дороге запорожцами, его отправление в Москву, где он, действуя во вред Дорошенку, сумел поддаться в доверие московским боярам, его многолетнее пребывание при гетмане Самойловиче сперва в звании войскового товарища, потом в чине генерального асаула, наконец, его интриги, употребленные им перед всемогущим временщиком князем Василием Васильевичем Голицыным для погубления гетмана Самойловича, – все это изложено в нашем сочинении «Руина», напечатанном в Вестнике Европы в 1879—1880 годах, сочинении, которого непосредственным продолжением должна признаваться настоящая монография.

По низложении Самойловича (20 июля 1687 года) назначен был день 25 июля днем избрания нового гетмана. Накануне, 24 числа июля, перед вечером несколько великорусских полков и стрельцы по приказу князя Голицына двинулись на широкую ровную возвышенность, господствующую над рекою Коломаком близ козацкого стана. Они разбили царский шатер во ста саженьях от стана, поставили около шатра стулья и скамьи, а перед самым шатром – небольшой столик, покрытый ковром.

На другой день, 25 июля, около 10 часов утра вышел туда главнокомандующий князь Василий Васильевич Голицын с боярами, а за ними следовали великорусские ратные силы разрядов Рязанского и Новгородского. Разом с ними понесли «клейноты» (знаки гетманского достоинства): бунчук, булаву и царское знамя. Толпы Козаков – конных в 800 человек и пеших в 1200 – приблизились к шатру. Из них вызвано было несколько знатнейших чиновных особ, и они, вслед за боярами, отправились в походную церковь, куда понесли и гетманские «клейноты». В этой церкви совершено было архимандритом, протопопом и священниками непродолжительное молебствие с освящением «клейнотов». После того все вышли из церкви. Клейноты положены были на столе перед шатром, поставили там образ Всемиловитого Спаса, положили крест и Евангелие. Боярин князь Василий Васильевич Голицын стал на скамью и возвестил козакам, что по их челобитью цари и великие государи прислали свой милостивый

указ, чтоб Ивану Самойловичу гетманом у них не быть, а на его место избрать другого, кого они, старшины, и все войско излюбят и вольными голосами изберут. Затем была прочтена дьяком царская грамота в таком же смысле.

Козаки крикнули: «Рады за великих государей умирать и кровь свою проливать и в подданстве у них желаем быть вечно».

«Козаки! – сказал Голицын, – по вашему извечному обычаю, изберите себе гетмана вольными голосами, объявите, кого желаете избрать гетманом».

Несколько минут было тихо. Наконец, стоявшие ближе произнесли имя Ивана Мазепы. Они, конечно, знали, что могущественный временщик расположен к нему и желает доставить ему гетманское достоинство. Имя это стало быстро произноситься и по задней толпе. Немногие голоса произнесли было имя обозного, Василия Борковского, но его тотчас заглушили крики: «Мазепа, Мазепа, нехай, буде гетман!» Мазепа, с его изумительным умением влезать всем в душу, успел уже расположить к себе многих, независимо от того, что большая часть готова была признать его гетманом, зная, что того хочет Голицын.

Несколько раз князь Голицын повторял свой вопрос и несколько раз в ответ ему прогремело имя Ивана Мазепы. Затем думный дьяк взошел на скамью и прочел прежде статьи, на которых отдавался Московскому государству гетман Богдан Хмельницкий в Переяславе: эти статьи составляли основной закон, по которому край малороссийский сделался частью русской державы; потом прочитаны были новые статьи: то были царские решения на пункты в челобитной, поданной перед тем козаками. Объявлялось, что новоизбранный гетман со всеми старшинами должен будет подписать эти статьи и сообразно с ними принести присягу на верность. Обозный Борковский, как знатнейшее по чину лицо после гетмана, отвечал от имени целого козачества согласием. Затем старшины подписали предложенные статьи, а новоизбранный гетман перед крестом и Евангелием произнес присягу в знак своего вступления в высокую должность.

После этого совершался обряд, отправлявшийся при избрании каждого гетмана. Государев ближний боярин вручал Мазепе гетманские «клейноты» с приличными изречениями. По окончании обряда все великоруссы двинулись в свой стан, а новоизбранный гетман провожал Голицына и прочих бояр до половины дороги. В один из следующих затем дней новый гетман угощал боярина, всех великорусских начальных лиц и своих старшин. Много было тогда выпито с произнесением заздравных пожеланий, дано было пять залпов из орудий, а по окончании пира одарили 15 знатных особ. 29 июля выступил гетман с козаками и двумя пешими великорусскими полками; сверх того с ним отправился конный полк смоленской шляхты, который для усмирения возникшего в Малороссии своевольства должен был находиться при гетмане до тех пор, пока гетман найдет возможным отпустить его.

Всех новых статей, составлявших прибавление к статьям гетмана Хмельницкого, было 22. Большая часть их повторяет то, что уже постановлялось при избрании прежних гетманов по челобитным от Козаков, всегда добивавшихся сохранения своих вольностей – льгот от всяких податей и повинностей, возлагаемых исключительно на мещан и посольство³⁰, неподсудности воеводам, права владеть именьями по жалованным грамотам, права вольного избрания гетмана. Гетман не должен был сменять старшин без царского указа, хотя виновных дозволялось ему казнить смертью по своим правам, донося о том государю. Число войск оставлялось на волю рады, но жалованье реестровым³¹ по 30 злотых рядовому козаку – полагалось только в комплекте тридцати тысяч. Подтверждалось также содержание полка в 1000 человек для укрощения своевольных, которые, оставя свои работы, назывались козаками и производили в крае шатость и измену, а для охранения гетманской особы в Батурине полагалось быть стре-

³⁰ Крестьянство.

³¹ Т. е. казакам, записанным в официальном реестре.

лецкому полку, с тем чтобы гетман выдавал на содержание его хлебный запас. Козаки в своей челобитной домогались и теперь, как бывало при прежних избраниях, дозволения принимать иноземных послов; но правительство отказало, и при этом было присовокуплено: так как с Польшею заключен уже вечный мир³², то гетман и старшины должны смотреть, чтобы жители малороссийского края довольствовались городами, отшедшими в царскую сторону, и отнюдь не вступались бы в те города, которые оставлены по вечному мирному договору под властью польского короля; если же бы с польской стороны оказалась какая-нибудь противность, то гетман и старшины обязаны писать о том к великим государям, но сами не должны нарушать мира с поляками. С крымским ханом русская держава находилась еще в открытой войне и потому малороссийскому правительству вменялось в обязанности по надобности посылать военные силы против татар. Для удержания татарских набегов положено было построить укрепленные города на Днепре против Кодака, на реках: Самаре, Орели и на устьях Берестовой и Орчика, а населять их малороссийскими жителями. Вместе с тем до окончания войны с Крымом запрещалось запорожцам и всем малороссийским жителям вести торговые сношения с татарами. Старшины в своей челобитной просили, чтоб имущество отрешенного Самойловича отдано было в войсковую казну, но правительство решило отдать туда только половину, а другую обратить в казну великого государя.

Гетман с берегов Коломака отправился к Гадячу, и там появлялись к нему владельцы маестностей³³ и арендаторы с жалобами на буйную чернь, которая многих торговцев и вообще зажиточных людей ограбила, а иных даже и умертвила. Открывалось, что к таким своевольствам получали поспольство те козаки, которые еще до избрания нового гетмана тотчас по отрешении Самойловича ушли из обоза, стоявшего на берегу Коломака. По гетманскому указу полковники и сотники в своих ведомствах принялись ловить своевольных, сажать их в тюрьмы и производить над ними розыски. Тогда в разных полках эти розыски сопровождались большими жестокостями. Тем, которые признаны были главными зачинщиками и возмутителями, ломали руки и ноги, других казнили менее мучительною смертью – отрубали головы или вешали, у иных в наказание отнимали имущество, а некоторых, увлеченных в преступление по неразумению, били палками, выражаясь, что из них выбивали глупость. Наконец, гетман разослал повсюду универсал, которым предоставлял каждому, кто потерпел от кого-либо оскорбление, искать на противнике судом, а не прибегать к самоуправству.

Гетман из Гадяча вместе с генеральными старшинами прибыл в свой Батулин и оттуда отослал данный ему отряд смоленской шляхты, удержавши при себе только тех стрельцов, которые по царской воле назначались оберегать его особу.

Тогда произведен был осмотр и раздел имущества низложенного Самойловича. Из Москвы приехал царский чиновник, который должен был забрать из этого имущества половину, следуемую в казну. Немало было этого имущества; оно, кроме денег, состояло в металлической посуде, мужских и женских одеждах, украшениях, мехах, оружии, сбруе. Раздел длился несколько недель. По свидетельству современника, иное еще и до раздела, а иное и после раздела из этого имущества было самовольно похищено роднёю гетмана и его слугами, некоторые присвоили себе кое-что и с дозволения самого гетмана. Тогда оказались такие особы, которые при прежнем гетмане находились почти в нищете, а при новом гетмане вдруг явились владельцами состояния в несколько тысяч золотых. Величко говорит, что сам он лично знал таких и вспоминает о двух: об одном запорожце, бывшем у гетмана покоевым, а о другом – цирюльнике. Такие счастливицы обогатились от крупниц, падавших к ним из сокровищницы Самойловича, которая в воображении современников принимала баснословные размеры. Недаром несчастного гетмана обвиняли в алчности и грабительстве: обильны были его палаты и кладо-

³² «Вечный мир» между Россией и Польшей подписан в Москве в 1686 г.

³³ Именей.

вые всякого рода драгоценными вещами, как показывает сохранившаяся опись, много было у него экипажей, лошадей, скота и стад. Половина, как говорят, не пошла ни в царскую казну, ни в войсковой скарб. Мазепа не установил особого войскового «скарбника» для наблюдения вообще за войсковою казной, а старшины тоже не обратили тогда на этот важный вопрос внимания, предоставляя новому гетману заведовать войсковою казной по своему произволу, как бывало и при Самойловиче, даром что последнему было поставлено это в вину. У нового гетмана были свои слуги, которым он доверял приходы и расходы, и только в определенные сроки давал отчет собранию старшин и полковников, но те в таких случаях обыкновенно только одобряли поступки гетмана. От этого выходило, что, собственно, с гетманскими доходами обращались очень экономно, а войсковая казна тратилась не только на содержание охотного войска и на жалованье козакам, но и на частные прихоти гетмана и его двора, а также и на всякие подарки. Чтобы расположить к себе старшин, гетман после своего водворения в Батурине учреждал чуть не каждый день пиры для старшин и полковников и обдабривал гостей своих на счет Самойловичевой сокровищницы. Самому князю Василию Васильевичу Голицыну в благодарность за оказанное покровительство при своем избрании Мазепа заплатил 10000 руб. из того же источника.

Вторая половина 1687 года проводилась в веселых пирах и празднествах в Батурине, а с ранней весны 1688 года принялись за построение городков сообразно статье договора, утвержденного на избирательной раде. Важнейший из этих городков на берегу Самары начат был в марте, а окончен к августу того же года. Постройкою заведовал сам гетман с Леонтием Романовичем Неплюевым и Григорием Ивановичем Косаговым. Московское правительство думало производить эту постройку, сгоняя на работу малороссийское посольство, но гетман нашел неудобным отрывать народ от летних работ и предпочел исполнить это дело козаками по выбору из шести полков. Работою занято было до двадцати тысяч рук. Городок этот был расположен на русской стороне реки Самары, выше Вольного Брода и ниже другого брода, называемого Песчаным. Гетман доносил, что эта крепость будет «в окрестных государствах явна и славна, великим государям к чести, а неприятелям страх и разорение». Гетман, по царскому указу, приглашал универсалами охотников, как из малороссиян, так из великороссиян, поселиться у новопостроенного укрепления, места для поселения отводились за крепостным валом. В середине городка построена была деревянная церковь во имя Живоносного Источника Пресвятой Богородицы, отчего и городок назван был Новобогородским³⁴. Воеводою оставлен был Косагов с тысячею ратных людей, но вскоре заменил его Волконский, а Косагову велено быть снова в знакомом ему Запорожье.

Постройка городка на Самаре произвела волнение между запорожцами. Мазепа это предвидел и потому, собираясь строить городок, старался не допускать об этом вести до Запорожья, но об этом сообщил туда бывший в Москве посланцем из Сечи Липохой. Там сделалось волнение уже весной, и кошевой Григорий Сагайдачный писал гетману, что все Войско низовое бьет челом великим государям, чтобы не строить городков в державе Войска низового, где у запорожцев есть достояние – свои рощи и пасеки. Гетман отвечал, что городок строится ввиду предполагаемых военных действий против татар, как временное складочное место боевых и хлебных запасов, а вовсе не с тем, чтобы постоянно занять край и наносить убытки запорожцам в их рыбных и пчелиных промыслах. Для успокоения кошевого гетман послал ему в дар 1000 червонных. Запорожское недовольство, как всегда бывало, ограничивалось только временными криками. Всегда искали запорожцы повода волноваться, но скоро и успокаивались.

Важнее было то, что каждое волнение в Запорожье легко и быстро отражалось в гетманщине. Городовые козаки не имели таких причин быть недовольными постройкой городков на

³⁴ Ныне Новомосковск. Закладка церкви происходила 23 апреля (в пятницу на святой неделе, когда празднуется Живоносный Источник), а освящение церкви и крепости – 1 августа.

Самаре, как запорожцы, зато в Украине было немало таких, которых могли возбуждать запорожцы, постоянно шатавшиеся по гетманщине. То были, как и в прежние времена, тяглые рабочие люди, так называемые мужики, самовольно «вбившиеся» в козацкое звание. На этот раз такие люди находились в последнем крымском походе и, ставши случайно козаками, не хотели отрекаться от козацкого звания и возвращаться в мужицкое, а этого от них требовало малороссийское правительство на том основании, что они, будучи зажиточнейшими, выбыли из мужицтва, в мужицтве же остались убогие, на которых исключительно падают все тяготы, какие прежде несли вместе с ними и вышедшие из тягла самовольно в козаки. Кроме того, в полках Лубенском и Миргородском запорожцы возбуждали народ к ропоту за утеснение от полковых властей, и гетман доносил, что можно опасаться бунта. По таким донесениям, московское правительство указывало гетману действовать, если нужно будет, и оружием для усмирения запорожцев и укрощения шатости в Украине, при содействии великороссийских войск, а для охранения гетманской особы в Батурин послало еще 300 ратных людей к прежним семистам. Но гетман сообразил, что известие о беспокойствах в Малороссии может в Москве зародить мнение о неумении его самого держать в повиновении управляемый край, и потому спешил известить, что он уже исправил те оскорбления, которые делал народу бывший гетман, водворил в стране спокойствие и сам совершенно безопасен, особенно под охранением двух стрелецких полков и охотных Козаков. Кошевой уже не противился царской воле, но в Сече все еще раздавались мятежные голоса, толковавшие, что лучше запорожцам мимо царской воли помириться с Крымскою ордой и вести свободно торговлю с Крымом. Однако, толкуя о таком примирении с крымцами, сечевики не прочь были и воевать против крымцев и досадовали, зачем Косагов не ведет их на войну, как обещал. «Нас просто обманывают, – кричали запорожцы. – Говорят, будто крепость построена для военного времени, а на войну не идут, и выходит, что ее построили только нам в досаду».

Низложивши Самойловича, Мазепа опасался оставшихся в Малороссии близких его сторонников. Ближе всех по родству с отрешенным гетманом был племянник Самойловича, Михаил Василевич Галицкий, бывший гадяцкий полковник. Отставленный от полковнического уряда³⁵, он проживал в слободе Михайловке в Слободской Украине. Не оставлял его там в покое новый гетман, поднимал против него обвинения за прежние поступки по управлению полком и, кроме того, за произнесение каких-то «плевосеятельных» слов. Другой сторонник и приятель бывшего гетмана Самойловича был Леонтий Полуботок; и его возненавидел гетман и доносил в Москву, что Полуботок тайно сносится с крымским ханом. Нерасположен был гетман и к митрополиту Гедеону, бывшему в дружелюбных отношениях к Самойловичу, а еще более к его племяннику, князю Юрию Четвертинскому, жениху дочери Самойловича. Гетман боялся, чтобы вызванный в Москву на житье князь Юрий не вредил ему, и писал к своему покровителю князю Вас. Вас. Голицыну, будто до него дошли слухи, что Юрий Четвертинский, живя в столице, говорит о гетмане непристойные речи, хвалится, что бывшего гетмана опять поставит на гетманский уряд, а тот уже отомстит своим недругам – и в малороссийский край князь Юрий «сзывается» к своей бывшей невесте; пристав, поставленный в Москве наблюдать над ним, ему ни в чем не воспрещает потому, что «всегда с ним в подпитии». О самом митрополите Гедеоне Мазепа писал, что это человек злобный и мстительный и гетман от него опасается тайных и явных врагов. Будучи недоброжелателем Гедеона, гетман дружил с архиепископом Лазарем Барановичем, бывшим прежде в ссоре с Гедеоном, и, при содействии гетмана, Лазарь выхлопотал возвращение себе трех протопопов, отобранных Гедеоном и присоединенных к киевской митрополии, причем просил изъять его архиепископию от духовной зависимости киевскому митрополиту и подчинить непосредственно московскому патриарху.

³⁵ Должности.

В письме своем к царям Лазарь жаловался на бывшего гетмана и радовался, что с избранием нового наступили лучшие времена.

Гетман в своих донесениях чернил не только таких лиц, которые были друзьями и приверженцами бывшего гетмана, но набрасывал тень и на других, даже на таких, которые прежде заодно с ним содействовали гибели Самойловича и которым наружно все еще он оказывал покровительство и благорасположение. Так, Генеральному асаулу Войце Сербину он дал универсал на маестности в селе Подлипном, в Нежинском полку, а полковнику переяславскому Дмитрашке Райче – на село Березань, в полку Переяславском, и сам ходатайствовал в Малороссийском приказе о выдаче им жалованных грамот по своим универсалам. Но тот же гетман тайно писал в Москву о Войце Сербине, что он ему, гетману, нежелателен, а о Дмитрашке Райче припоминал давние дурные дела его еще при Многогрешном и Бруховецком, представлял, что его ненавидят полчане за то, что, будучи волоским³⁶ уроженцем, ставит сотниками своих земляков, и все полчане просят, чтоб он не был у них полковником и не жил бы в их городе. По донесению гетмана, Дмитрашку Райчу потребовали в то время в Великороссию. Когда гетман отправился на постройку Новобогородска, Дмитрашка, находясь в Севске, жаловался князю Голицыну, что гетман делает стеснения жене его, оставшейся в Малороссии, а гетман по этому поводу писал тому же князю Голицыну, что на Дмитрашку Райчу есть подозрение в изменнических замыслах и следует его препроводить к войсковому суду. «Вы десять лет меня знаете, – писал Мазепа, – способен ли я кому-нибудь завидовать и чинить козни на чужое здоровье! Я Дмитрашке Райче не враг, пусть бы он только не сеял плевел, а то вот здесь, по его письмам, твердят, что его скоро приведут с каким-то боярином для принятия некоторого чина». Счел нужным Мазепа набросить некоторую тень и на киевского полковника Солонину, хотя недавно перед тем решил в его пользу спор с киевским воеводой и киево-печерскими старцами. Но вслед за тем он указывал на письмо Солонины к гетману, в котором тот просил защитить его от «Москвы». Солонина разумел здесь киевского воеводу, своего личного недоброжелателя. Но Мазепа придал словам его более общий смысл. «Странно, – заметил гетман, – как этот мужик дерзает так писать».

Так Мазепа делал тайный вред своим соумышленникам по делу низложения Самойловича, – он их опасался. Эти люди недавно испробовали, как возможно при посредстве низкопоклонничества пред сильными московского мира свергать своих гетманов; могли они подумывать, нельзя ли и с Мазепой то же сделать, что сделали с Самойловичем. И Мазепа старался заранее скovyрнуть тех, от которых мог ожидать вредных против себя интриг, но не зная наверное: удастся ли ему, не хотел допускать на себя упреков в несправедливости. Поэтому он поступал двулично: одним и тем же явно покровительствовал, а тайно чернил доносами, на тот конец, чтоб обеспечить за собою доверие в Москве, когда эти люди вздумают вредить ему.

В Киеве между тем появился первый письменный донос на самого гетмана, открывший собою целый ряд доносов все в одном и том же смысле. Доносчиком был какой-то поп-расстрига из Путивля. В его доносе было сказано, что гетман сноится тайно с поляками, дружит с ними и тайно покупает себе в Польше маестности. Киевский воевода отправил доносчика с товарищем в Москву, а из Москвы их препроводили в Батурин к гетману. «Мню, – писал Мазепа к Голицыну, – что сии оболгатели, по уговору особ на мене враждующих, с баснями послани суть». Сообщая, что он приказал посадить их обоих под караул, гетман уверял князя Голицына в своей простоте, незлобии и неизменной верности престолу.

³⁶ Валахи (волохи) – народность, вошедшая в середине XIX в. в состав Румынского княжества.

Глава вторая

Приготовления к новому походу на Крым. – Известия от турецких христиан. – Архимандрит Исая. – Шакловитый у Мазепы. – Мнения о гетмане в Малороссии. – Поход в степь. – Встреча с татарами. – Возвращение. – Восхваления и награды Голицыну. – Приезд Мазепы со старшинами в столицу. – Переворот в правлении. – Гетман у Троицы. – Прибавочные статьи. – Царские милости.

В конце лета 1688 года в Москве решено было возобновить на следующую весну войну с бусурманами. Пришли от римского императора и от Венецианской республики к московскому правительству побудительные призывы действовать сообща против турок. Извещали, что настает время самое удобное победить и искоренить бусурман и освободить от их ига православных христиан, – туркам приходится худо, со всех сторон потери и поражения, на севере в Сербии потеряли они Белград, а на юге – Селунь (Солунь) и остров Кандия завоеваны венецианцами. Такой счастливой для христиан поры уже тысяча лет как не бывало. В Москву стали приходить обращения прямо из восточно-православного мира, поработанного мусульманами. От бывшего константинопольского патриарха Дионисия, лишённого своего сана за дружбу с Россией, прибыл архимандрит Исая. Он привез грамоту от имени всех вселенских патриархов, в которой излагалось то же, что и в грамотах римского императора и Венецианской республики: наступило удобное время с надеждою на успех ополчиться на неверных, – они пришли в крайнее бессилие и сами говорят, что к ним приближается конечная гибель. Но зато они с неистовством озлобились на православных христиан в Румелии³⁷, Морее³⁸, Болгарии и Сербии, причинили им много мук и поруганий, до трех тысяч истребили, а несчетное множество свезли в Азию и в Египет на поселение; они, с повеления своего султана и своего великого муфтия, намереваются разорить до основания все церкви и монастыри в тех краях, откуда выселили христиан, а оставшихся на прежних местах жительства перебить и таким образом искоренить все христианство. «В нашей стране нет ни города, ни местечка, где бы не творились поругания и разорения церквям Божиим, посрамлены архиереи и иереи: крест оплеван, хулятся и укоряются имя Христово; неверные все только говорят: если б ваш Иисус был Бог, не оставил бы он своих поклонников в наших руках в неволе». Тот же архимандрит Исая привез грамоту от волоцкого (молдавского) господаря Щербана: тот советовал отправить разом два войска – одно на Буджак сухопутьем, другое водою на Дунай, а для удержания крымцев сосредоточить третье войско на Запорожье; затем просил принять всех православных христиан под царскую руку, уверял, что и он сам, и сосед его, владетель мультанский (валахский), с подвластными странами желают поступить в подданство московскому престолу ради единой веры и не замедлят выступить с семидесятитысячным войском на помощь царским силам. С тем же архимандритом прислал грамоту и нареченный сербский патриарх Арсений о том же, но делал предостерегательные внушения насчет союза с западным христианством.

«Западные державы, – писал он, – отняли у турок в Венгрии и в Морее местности, заселенные православным народом, но тотчас стали там вводить унию и обращать православные храмы в костелы. Если повезет им счастье далее и они завоюют Царьград, то православные христиане придут в окончательную погибель и вера православная искоренится. Православные христиане с радостью отдадутся под власть великих государей российских, но не под власть папешников³⁹».

---

³⁷ С XVI по XIX в. название территорий бывшей Византии, захваченной османами.

³⁸ Средневековое название полуострова Пеллопоннес.

³⁹ Т. е. католиков.

Списки с привезенных Исайею грамот посланы были на обсуждение гетману Мазепе, и тот в своей грамоте, посланной в Москву, согласно с сербским патриархом, представлял также, что западные союзники только того и желают, чтоб искоренить восточное православие, заменив его латинством в Царьграде и подвластных ему областях. «В том страхе правоверные христиане, яко духовные, тако и мирские, обретающиеся, не имеют иного прибежища, токмо великих государей», – выражался Мазепа, вероятно, с целью сказать угодное верховной власти. Гетман, по царскому повелению, сообщил волоскому господарю, что, сообразно договору, заключенному царями с польским королем, войска обоих государств весною выступят на войну с решительною целью освободить всех христиан от мусульманского ига.

19 сентября в Москве был объявлен царский указ всем служилым людям готовиться весною будущего года в поход против крымцев, а 28 сентября Мазепа сообщал, что малороссияне, услышав о предстоящей войне, приняли это известие с большой радостью и «ни в ком не объявится лености». Гетман советовал выступать весною как можно ранее, а чтобы неприятели не сожгли в степи сухой прошлогодней травы и не произвели степного пожара, затруднительного для русских войск, необходимо самим выжечь степь осенью: тогда новая трава скоро и беспрепятственно начнет расти следующей весною, и так русские войска будут идти по самой первой весенней зелени, и для войска это будет здоровее, так как еще не начнутся тягостные летние жары и не успеет явиться моровое поветрие, которое обыкновенно запорожцы через свои походы заносят из Крыма. Тогда бусурманы будут лишены в достатке конского корма; а если у татар лошади не будут сыты, то татары отпора не дадут. Такой совет подал тогда гетман, и, быть может, если б он бы принят и исполнен, то и предположенный поход совершился бы удачно.

В октябре отправился к гетману в Батурин любимец царевны Софии и князя Голицына, Шакловитый, с милостивым словом к гетману, а вместе с тем и с тайным поручением проведать о верности самого гетмана и о степени расположения и доверия к нему подчиненных малороссиян. Шакловитый сообщил в Москву, что хотя в поступках гетмана не замечается склонности к измене, но малороссияне его не любят, не доверяют ему, твердят, что он весь душою поляк и ведет тайные переписки с польскими панами. От таких известий в Москве не поколебалось доверие к гетману, напротив, оно должно было в то время укрепляться, потому что искренность его предостережений насчет западных держав подтверждалась известиями русского посла в Вене Возницына, доносившего секретно, что цесарское величество положительно хочет заключить мир с Турцией особо, без участия России; то же сообщалось и о другом союзнике – польском короле, хотя последний положительно заявлял, что ни за что не станет мириться с Турцией без согласия с Россиею.

Поход открылся в марте 1689 года. Великороссийских войск, выступивших в поле, было 112 000 под главным начальством князя Василия Васильевича Голицына. Генерал Гордон советовал в походе держаться берега Днепра и через каждые четыре перехода ставить крепости, а в каждой из крепостей оставлять по несколько сот человек. Такой способ предлагался в том соображении, чтобы русское войско могло иметь пункты опоры для своего продовольствия и для помещения раненых, а неприятелю могло это возбудить страх, так как ему показалось бы, что у русских очень великие силы. Другие начальные лица говорили, что лучше идти прямо степью к Крыму. Главнокомандующий пристал к последнему мнению, принявши, впрочем, кое-что из мнения Гордонова: положили оставить у Самары часть войск под командою князя Ивана Федоровича Волынского, а со всем остальным идти в поход по левому берегу Днепра быстрым шагом, чтобы не допустить татар произвести степной пожар. Гетмана тогда на совете не было; его совет, данный еще прошлого года, о сожжении сухой травы в предшествовавшую

осеннюю пору, остался, как видно, без исполнения. Гетман с целым своим regimentом⁴⁰ присоединился к главному войску около 20 апреля.

Следуя далее по предназначенному направлению, 11 мая соединенное войско достигло реки Каирки: оставалось еще четыре дня пути до Перекопа. Князь Голицын отрядил часть сил своих к Аслан-Керменю у Днепра и двинулся с целым корпусом далее на Перекоп. 14 мая войско достигло Зеленой Долины. Она была шириною в десять верст, изобиловала водою и травою. Русские расположились станом. Здесь пойманный татарин показал, что хан крымский за день перед тем стал у реки Каланчака, а его орда расположилась впереди, на Черной Долине. Русские по этой вести двинулись далее. На пространстве, отделяющем Черную Долину от Зеленой, появился отряд орды; она шла от Кизикерменской дороги и наступала с правой стороны на русское войско. Произошла битва, длившаяся от трех до четырех часов. С обеих сторон немало было убитых и раненых, но русские принудили татар отступить.

16 мая русские достигли Черной Долины. Тут справа появился сам хан со всеми своими силами. Полился сильный дождь. До полудня перевес был на стороне татар. Они с чрезвычайной быстротой напали на аррьергард, загнали русскую конницу и пехоту в обоз, но пушечные выстрелы заставили их отступить. Тогда татары обратились на левое крыло русского войска, нанесли поражение двум слободским полкам, перебив у них много лошадей и людей, хотя и сами потерпели от ружейной и пушечной пальбы. После того уже татары не осмеливались вступать в бой и только издали показывали намерение нападать, а с наступлением ночи совсем скрылись из вида. На другой день, 17 мая, русские подвинулись далее, но главнокомандующий приказал ввести конницу в обоз, находя, что она не в силах будет удержать напор неприятеля, когда он явится. Вскоре татары снова появились, не увидели конницы впереди обоза, а на пехоту нападать не осмелились и ушли к Каланчаку. Русские последовали за ними и к вечеру достигли Каланчака. Там нашли они достаточно травы и воды, но леса для дров не было. 20 мая русские дошли до Перекопа.

Последние два дня перехода от Черной Долины до Перекопа оказались чересчур тягостными для русского войска. Князь Голицын в своем донесении говорит, что от самой Каирки войска шли восемь дней безводною степью: вопреки известию Гордона князь говорит, что в обеих долинах – Зеленой и Черной – воды вовсе не было, а в Каланчаке вода была дурного свойства. Гибли от безводья и лошади, и люди. Начинала чувствоваться скудость и хлебных запасов. Когда наконец русские добрались до Перекопа, то думали было сперва возводить шанцы и стали досматривать, откуда можно доставать воду и корм для лошадей. Оказалось, что все поля были потравлены и выбиты, воды недоставало ни в реках, ни в колодцах; с правой стороны Перекопа было Черное море, с левой – Гнилое, но в обоих вода соленая и для питья невозможная. Около Перекопа все посады и деревни были выжжены татарами. Соображая, что долго стоять под Перекопом будет для войск слишком затруднительно, князь Голицын попытался войти в сношения с ханом: в этом случае он доверял пленному татарину, который показал, что хан желает примириться. Но хан через присланного к князю Голицыну своего кеман-мурзу Сулешова изъявил готовность мириться не иначе как на условиях Бахчисарайского мира⁴¹. Это побудило князя Голицына прервать и сношения с татарами и военные действия против них. 21 мая русские стали отступать назад. Впоследствии современники распускали слухи, будто князь Голицын в предшествовавшую тому ночь взял с хана взятку в две бочки золотых.

Гетман Мазепа, как и прочие военачальники, не участвовал в намерении главнокомандующего мириться с неприятелями, а когда князь Голицын послал к нему Венедикта Змиева спросить: не будет ли от такого примирения между козаками смуты, Мазепа, с своей обычной

⁴⁰ Войсковым соединением.

⁴¹ Заключен между Россией, Турцией и Крымским ханством в Бахчисарае 13 января 1681г. на 20 лет. Было признано воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией, а также подданство России запорожских казаков.

уклончивостью, не стал противоречить сильному временщику, но хотел всеми возможными способами отстранить себя от участия в таком деле, от которого мог ожидать со временем неприятных последствий, он отвечал, что козаки скучают, но измены от них он не ожидает.

На обратном пути целых восемь дней беспокоили отступавших русских татары, однако не причинили им большого вреда. Русские более терпели от безводья, пока им на облегчение не полился проливной дождь. 12 июня достигло войско до Самары. 24 июня Мазепа расстался с главнокомандующим и с берегов Коломака повернул с войском своего регимента в гетманщину. 27 июня сам Голицын распустил все свое войско и с начальными людьми отправился в столицу. Сердечно преданная Голицыну, царевна София спешила перед братьями-царями и перед вельможами выставить подвиги своего любимца в самом светлом виде. Сам князь Голицын в своих донесениях постоянно представлял ход дел в войске так, как будто русские одерживают над неприятелем блистательные победы одна за другою. 27 июля, в субботу, объявлена была похвала и царские милости боярам-предводителям во внутренних дворцовых покоях, а второстепенным начальным людям – на дворцовой лестнице. Бояре получили в дар кубки, кафтаны, вотчины, денежную придачу к окладам жалованья; прочим, второстепенным, давали ковши, материи на одежду, жаловали увеличением денежного оклада и обращением части числящихся за ними поместий в вотчины; иностранцам, бывшим в походе, пожалованы были серебряные кубки, соболи, материи на одежду и месячные жалованье не в зачет, в виде подарка. Имена убитых выставлены были в соборной церкви, дабы отцы, сыновья, братья и ближние родственники имели всегда перед глазами свидетельство о верности и подвигах своих кровных. Всем участвовавшим в походе розданы были на память золотые медали разной величины, смотря по достоинству чина каждого.

Слабоумного царя Иоанна сестре нетрудно было уверить, что ее любимец вел дело блистательно; но не могла София заставить так же думать и талантливого Петра, уже и без того озлобленного против сестры. Правда, 26 июля усиленные просьбы склонили его не препятствовать объявлению милостей и наград; но когда на другой день полководцы и начальные люди поехали в Преображенское благодарить за царские милости, Петр не принял никого, и тогда все поняли, что уже близка гроза и наступит перемена в правлении. Гроза разразилась в августе того же года. Начальник стрелецкого приказа Шакловитый, сторонник Софии, настраивал своих стрельцов против Петра, но двое из этих стрельцов. Мельнов и Ладогин, прибравши с собою других товарищей, убежали в Преображенское и сообщили Петру, что на него и на его мать, царицу Наталью Кирилловну, замышляется убийство. Ночью с 7 на 8 августа Петр вскочил с постели, едва успел обуться, в одном белье побежал в конюшню, сел на верховую лошадь и ускакал в лес; туда принесли ему платье, и он, верхом на той же лошади, тотчас уехал в Троицкий монастырь. На другой день к нему прибыли мать, жена и несколько ближних бояр, между которыми пользовался тогда особым доверием Петра князь Борис Голицын.

Когда в столице и ее окрестностях происходили такие смуты, в Москву приехал гетман Мазепа с старшинами, полковниками и с большою свитой. С ним приехали тогда генеральные старшины: обозный Борковский, судья Савва Прокопович, писарь Василий Кочубей, асаул Андрей Гамалея и бунчужный Евфим Лизогуб; при каждом из этих старшин состояло по пяти Козаков. Прибыли полковники: черниговский – Лизогуб, полтавский – Федор Жученко, нежинский – Степан Забела, миргородский – Данило Апостол и лубенский – Леонтий Свечка. С каждым из них был полковой писарь, а при некоторых еще и полковой судья. При особе полковника состояло по пяти Козаков, а при полковом писаре и при полковом судье – по два козака. Сверх того с гетманом приехали тогда в Москву девять значных войсковых товарищей старших, семнадцать значных войсковых товарищей молодых и восемь канцеляристов. При каждом из этих лиц было по козаку. Затем собственный штат гетмана состоял из восьми дворян гетманских, близких к особе гетмана; при каждом из них также было по козаку. Дворовых гетманских людей было 70 человек, 50 драгунов, 12 музыкантов, – всего при гетмане и при

всех знатных особах было 304 человека. Разом с гетманом прибыли в Москву и пять духовных сановников.

Встречать их выслан был стрелянного полка полковник стольник Иван Циклер с 500 конными рейтарами и с двумя ротами подъячих Малороссийского приказа. Дьяк Василий Бобынин приехал с царскою каретою для почетного гостя и от имени царей и царевны спросил гетмана о здоровье. Гетман счел уместным похвалить царскую карету и сказать: «Благодарю Бога, что сподобил меня чести сесть в царскую карету!» Гетмана ввели в Калужские ворота, потом, через плавучий мост, провезли в Москворецкие ворота, а далее, следуя Ильинским крестцом, привезли на большой Посольский двор, где назначено было ему помещение со всеми прибывшими с ним малороссиянами. Гетман не знал еще, что происходит «наверху», не мог предвидеть скорого падения власти Софии и временщика, считал Голицына неизменно могучим, а потому в разговорах с приставами (которые должны были о его речах доносить князю Голицыну) расхваливал подвиги князя Василия Васильевича в крымском походе. «Никогда еще, – говорил Мазепа, – не бывало бусурманам такого страха, как от князя Василия Васильевича, ближнего боярина! Жаль, что за безводными и бескормными местами не успели разорить Перекопа!.. Но ведь в древних хрониках писано: персидский царь Дарий приходил войной на Крым и войска у него было множество, а все-таки не мог он взять Перекопа за безводием и бескормицею и принужден был уйти, и зарок дал, что не пойдет более в тот край!»

На другой день после приезда в Москву гетмана с малороссиянами повезли во дворец для торжественного представления. Думный дьяк проговорил пышную речь, восхвалил славы подвиги князя Василия Васильевича Голицына, нанесшего бусурманам такое поражение, «какого они себе не чаяли и такому подобного не слышано». И гетману отдавалась похвала как участнику победоносного дела. Тогда гетману даны были от имени государей дары: серебряный рукомоийник с лоханью, золотой пояс с турецкими драгоценными камнями, золотая узда с наперстью. Гетман и все малороссияне были у руки одного из государей, Иоанна Алексеевича. Петра здесь не было. Потом гетман посетил патриарха Иоакима.

С месяц после того сидели малороссияне со своим гетманом в большом Посольском дворе, а тем временем в столице совершались великие дела. Пошла решительная, последняя борьба между братом и сестрой. Петр из Троицкого монастыря потребовал к себе служилых. София всеми средствами старалась удерживать стрельцов от перехода к Петру, а между тем пыталась посылать к брату сначала бояр, а потом патриарха, с целью как-нибудь уладить возникший спор. Все было напрасно, – и бояре, и патриарх остались при Петре у Троицы. Петр дал приказание всем стрелецким и солдатским начальным людям, под опасением смертной казни заслушание, прибыть к Троице, взявши с собою по десяти человек простых рядовых из каждого полка, а вместе с ними должны были явиться к государю московской гостинной сотни и всех московских черных сотен с десятью тяглецами из каждой сотни и слободы. Все повиновались. Тогда Петр потребовал выдачи Шакловитого и его сообщников стрельцов, обвиняемых в злоумышлении на жизнь Петра и его матери. София принуждена была уступить, потому что все стрельцы уже перешли на сторону Петра. Шакловитого выдали и казнили. Князь Василий Васильевич Голицын не принимал участия в московских смутах этих дней и запрятался в свою подмосковную вотчину Медведково; но после выдачи Шакловитого 7 сентября отправился к Петру вместе со своим товарищем и другом Леонтием Неплюевым, окольничим Венедиктом Змиевым, Григорием Ивановым Косаговым и думным дьяком Емельяном Игнатьевым Украинцевым. Князь Голицын приготовился доказывать Петру свою невинность, но его не допустили ни до каких объяснений, а прямо объявили приговор, которым лишали его всех вотчин и назначили ему жить в ссылке в Каргополе: виною ему поставлено было то, что он провозгласил самовольно царевну Софию верховною правительницею, тратил бесплодно государственную казну и совершил два напрасных похода в Крым, ничего не сделавши. Неплюева за обиды, нанесенные севским жителям во время своего управления, за грабительства и

разорение Комарницкой волости, лишив всех имений, сослали в Пустозерск. Змиева удалили в его деревни, а Косагова и Украинцева оправдали. Только влиянию любимца Петрова, князя Бориса Алексеевича Голицына, обязан был падший временщик тем, что не подвергся смертной казни. Впрочем, на другой гол Каргополь был найден слишком удобным для такого преступника: его перевели в Яренск, а еще через год сослали в Пустозерск, потом в Пинегу, где он и умер в крайней бедности, в преклонных летах. в 1713 году.

Казалось бы, с падением временщика должна была постигнуть неблагоприятная участь и гетмана Мазепу, который был, возведен в гетманский сан главным образом по влиянию князя Василия Васильевича и с той поры держался его милостями. Действительно, Мазепа уже тогда ожидал себе беды, а бывшие с ним малороссияне советовались между собою, кого теперь придется им избирать в гетманы вместо Мазепы: об отрешении последнего, казалось, не могло быть никакого сомнения. Волею-неволею по царскому приказу отправился Мазепа со своею ассистенцею⁴² к торжествующему царю Петру. 9 сентября, когда он, едучи к Троице, доехал до села Воздвиженского, ему было прислано царское приказание остановиться и ждать, пока позовут его. Страшно, конечно, ему было ожидать этого зова. Но пришлось ему томиться ожиданием недолго. На другой же день, 10 сентября, его позвали. На Троицком посаде малороссияне встретили великолепный шатер, поставленный для приема их гетмана. В тот же день, после полудня, гетман был допущен к царю. Он вошел, одетый в богатый кафтан, окруженный старшинами, за ним козаки несли блестящие дары; то были: золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, сабля в дорогой оправе, стоившая 2000 рублей, и 10 аршин золотного аксамиту ** для царской матери – царицы Натальи Кирилловны, а для царицы Евдокии – золотные ожерелья с алмазами. Молодой царь, статный и красивый, сидел одетый в бархатный кафтан, окруженный боярами, одетыми в байберековые⁴³ кафтаны. Думный дьяк Украинцев объявил гетману и всем старшинам похвалу за военные походы с Голицыным. Таким образом давалось знать, что немилость царя к Голицыну за его крымский поход не падает на участников этого похода – Мазепу я все войско запорожское, так как козаки в этом походе исполняли только свой долг и не могли принимать ответственности за ошибки главного предводителя. Думный дьяк, проговоривши свою речь, сказал гетману, что он может теперь говорить к великому государю, если имеет нужду. Мазепа прежде всего заметил о трудности своего сана, тем более что он, как старик, не может похвалиться здоровьем, но он давал обещание служить царю верно, до пролития последней капли крови, бил челом, чтобы великий государь держал его всегда в своей милости со всеми старшинами и со всем народом малороссийским. Речь Мазепы, вполне до нас не дошедшая, понравилась Петру. Сверх ожидания многих, он принял очень милостиво и ласково гетмана и всех старшин. Ласковый прием придал гетману смелости, и он тут же подал государю челобитную, чернившую Василия Васильевича Голицына и товарища последнего Леонтия Неплюева. Он доносил царю, что Леонтий Неплюев угрозами вынудил у него дать князю Голицыну отчасти из пожитков отрешенного гетмана Самойловича, а отчасти из собственного своего «именьишка», которое по милости монаршей нажил на гетманском уряде, 11 000 рублей червонцами и ефимками, более трех пудов серебряной посуды, на 5000 рублей драгоценных вещей и три турецких коня с убором. Любопытна записка Мазепы, сохранившаяся в делах Государственного архива вместе с письмами царевны Софии, показывающая, что Мазепа после своего избрания в гетманы заплатил князю Голицыну взятку за содействие. В нравственных правилах Ивана Степановича смолodu укоренилась черта, что он, замечая упадок той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущениями и побуждениями, чтобы не содействовать вреду падающей прежде благодетельной для него силы. Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Так он изменил

⁴² Т. е. с сопровождавшими его лицами.

⁴³ Виды дорогих материй.

Польше, перешедши к заклятому ее врагу Дорошенку; так он покинул Дорошенка, как только увидал, что власть его колеблется; так, и еще беззащитнее, поступил он с Самойловичем, пригrevшим его и поднявшим его на высоту старшинского звания. Так же поступал он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым еще недавно льстил и унижался. И ему на этот раз удалось более, чем все прежние разы. Он заслужил к себе милость царя Петра. Вероятно, теперь ему помогла та природная вкрадчивость, та способность всем нравиться с первого раза, способность, которая живет с человеком и с ним умирает, оставляя мало следов для потомков, задающихся изучением исторического лица. По единогласному свидетельству лично знавших этого человека, ему была присуща в высшей степени такая способность. Петру не представлялось ничего против этого человека. Если он слушался Голицына, то потому, что в руках Голицына была верховная власть. Избран был Мазепа в гетманы по желанию всего войска запорожского вольными голосами; от старшин на него не было челобитных; ничто не возбуждало к нему царского неудовольствия, а заявлением о Голицыне и Неплюеве Мазепа отклонил от себя подозрение крепкой солидарности с Голицыным и его друзьями.

14 сентября думный дяк предложил гетману и старшинам, не найдут ли они нужным представить соображения к изменению чего-нибудь в статьях договора, составленного на коломацкой раде. Замечено было, что вопрос об арендах на этой раде остался нерешенным, но и теперь оставляли его решить голосом всего народа, которые будут отбираться по вопросам, разосланным в полки. Гетман находил необходимым произвести новую перепись всем козакам, чтоб отделить настоящих Козаков от своевольных мужиков, беспрестанно втирающихся в козаки, а затем надобно будет строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались в козачество. Старшины старались не допускать в козаки посполитых, чтобы держать последних у себя в подданстве с их землей. Со старшинами заодно того же домогались все войсковые товарищи, владевшие маетностями. Мазепа, как поляк по воспитанию, мирволил этому «панскому» направлению; но ему хотелось, чтобы «паны», то есть владельцы маетностей, зависели от него, и потому обратил внимание правительства на то, что некоторые малороссияне ездили в Москву и там выхлопывали себе маетности в Малороссии. Отсюда происходили, как выражался гетман, «трудности и ненадежная докука». Тот, кто недавно получил грамоту в Москве, домогается отвода ему земли во владение, сообразно жалованной грамоте, а тут явится кто-нибудь другой и докучает гетману, указывая, что у него есть более давнее право на владение, сообразно гетманскому универсалу. На это представление гетману отвечали, что вперед не будут выдавать жалованных грамот на маетности без предварительных гетманских универсалов. В этот приезд гетмана в Москву выдано было множество жалованных грамот на маетности, и тогда, можно сказать, более чем в прежние времена положен был фундамент частного землевладения в Малороссии и зачал будущего малороссийского дворянства. Кроме общей жалованной грамоты всему малороссийскому народу на бывшие у каждого лица поземельные владения, самому гетману Мазепе даны грамоты на села Остроч и Ядловку в Барышевском повете Переяславского полка, которые гетман тогда же пожертвовал на содержание богадельни при Киево-Печерском монастыре, на село Кочуровку в Глузовском повете, где у гетмана был двор и водяная мельница на реке Есмани, и на село Самбур в Красненском повете. Всеми этими маетностями владел Мазепа и прежде, в звании генерального асаула, а теперь они отдавались ему в потомственное владение. Еще прежде своего приезда в Москву исходатайствовал гетман утверждение своих универсалов: за генеральным писарем Кочубеем села Диканьки и Ярославца, за генеральным судьей Вуеховичем двух сел в Полтавском повете, за Михаилом Гамалеем на села в Любецком повете, за генеральным бунчужным Евфимом Лизогубом сел: Погребки, Кишки и Крапивное с мельницами на реке Сейме, за басанским сотником Янковичем, нежинским полковником Степаном Забелою и охотничьими полковниками: Герасимом Василевичем, Яворским, Кожуховским и Новицким – на пожалованные им всем

маетности. В приезд Мазепы в Москву, по гетманскому ходатайству, даны грамоты на маетности и многим другим лицам.

Гетман покровительствовал тогда и литературным трудам в своем крае. По его рекомендации, еще до приезда его в Москву привозили в столицу старцы Киево-Николаевского монастыря книгу Радивиловского «Венец Христов», а старцы печерские – книгу «Венец от цветов духовного винограда печерского» для поднесения их государям. Разом с гетманом приезжал в столицу глуховский житель Афанасий Заруцкий с книгою «На похвалу великих государей». Он подавал Голицыну челобитную, где изъявлял желание потрудиться и впредь «в начертании книжном к прославлению престола их царских величеств и его князя Голицына, чтоб испытно чином весь летописец о родстве их царских величеств написан был, дабы и в настоящее время мудрым людям было что прочитать». Он заявлял, что до сих пор он писал кратко, но теперь хотел бы написать подробнее, и просил снабдить его летописями, потому что в малороссийском крае таковых нельзя было найти.

19 сентября малороссияне были отпущены из Москвы. На отпуске гетману и старшинам надарили соболей, разных пряностей и лакомств, вина, уксусу и проч.

Глава третья

Волнения в Малороссии в отсутствие гетмана. – Смута из Запорожья. – Писарь Сажка. – Сношения запорожцев с Польшею. – Атаман Лазука. – Подозрения на Польшу. – Недруги Мазепы в малороссийском крае. – Леонтий Полуботок. – Михайла Василевич Галицкий. – Пасквиль на гетмана. – Подсылка Шумлянського. – Доморацкий. – Чернец Соломон. – Выдача их и казнь. – Чалиенко и другие враги гетмана. – Новый пасквиль. – Мать и сестра Мазепы. – Доверие и милость к гетману московского правительства.

Поездка гетмана в Москву не обошлась без некоторых смут в Малороссии. Гетман, отъезжая в столицу, поручил вместо себя управление краем в звании наказного гетмана генеральному судье Вуеховичу, а для защиты рубежей гетманщины от татарских вторжений расставил вдоль Днепра охотных Козаков и засеимские сотни Нежинского полка, давши над теми и другими наказное начальство стародубскому полковнику Миклашевскому. Боялись татар, но тревога наступила от своих, а не от чужих. Гетман получил от Вуеховича известие, что в Ромнах, в Чернухах, в Басани – в Переяславском полку, в Кобыляках и Будищах – в Полтавском полку и во всех бережных городках пошли слухи, что гетмана задержат в Москве со старшинами, отпустятся назад только бывшие с ними незнатные люди; толковали даже, что «некий иной чин имеет быти». Такие слухи распространяли запорожцы, злобствовавшие на гетмана за то, что он запретил малороссиянам ездить на Запорожье для торговли и лишил Запорожскую Сечь возможности получать хлеб и другие предметы продовольствия из Малороссии. Запорожцы ошибались: такие стеснительные меры последовали по воле московского правительства, и гетман, будучи в Москве, ходатайствовал об их отмене. Вуехович писал, что трудно ему удерживать спокойствие, люди его не слушают, властей не уважают и уходят в разные стороны: те на низ в степи, а те к Бугу и иным речкам на правой стороне Днепра. Из полков Гадяцкого, Миргородского и Лубенского поднимается поспольство большими громадами на правый берег Днепра искать новоселья; иные же, доносил Вуехович, думают и нечто новое у себя зачать. Правобережная Украина, по-видимому, начинала для малороссиян левого берега делаться такой же обетованной землей, какой лет пятнадцать тому назад казались для Правобережной Украины Левобережная и Слободской край. «Что можем мы сделать, – писал Вуехович, – с какими-нибудь несколькими тысячами дворян (т. е. гетманской надворной команды) против большого числа непослушных! Не так страшны нам неверные татары, как свои нехристи, которые страха Божия не имеют и начальства не слушают. Множество их порывается на ту сторону Днепра искать себе житья, а запорожцы разглашают, что татар бояться нечего, что татары нам не враги и хан приказал отпустить на свободу всех, которых татары недавно захватили на другом берегу Днепра, когда те ходили за ягодами и за дровами». Вуехович умолял гетмана поспешить на Украину и издать универсал к народу; о том же доносили гетману генеральный хоружий Ломиковский и стародубский полковник Миклашевский: последний писал, что, находясь на страже в Днепровской пристани, он принужден был пропускать несколько возов за Днепр, потому что весь народ роптал, почему не дозволяют ходить на низ за звериными и рыбными промыслами.

Шатание с места на место, искание льготного жития на новосельях было тогда в нравах малороссийского народа не только в гетманщине, но и в тех краях, где селились выходцы слобожане Путивльского уезда слободы Терновой жители малороссияне, поверстанные службой к севскому воеводе, самовольно убежали со службы, забрали свои семьи и ушли в село Хоружовку, принадлежавшее Михайлу Гамалее. Владелец объявил у себя новопоселенцам льготы на 15 лет и таким образом переманил к себе из Терновой слободы 40 дворов, а потом посылал делать наезды на Терновую слободу, грабить и бить людей, чтоб от такой «тесноты» переходили к нему терновцы на житье.

По возвращении домой гетман узнал, что вся смута в народе исходит от запорожцев. Был на Запорожье писарь, по имени или по прозвищу Сажка. Он сообщал в Украину секретно гетману, что творится в Сече и как запорожцы, подушаемые татарами, толкуют о том, что надобно вместе с ляхами и татарами воевать москалей. Сажка известил гетмана, что кошевой Гусак, хотя и против своего желания, но по воле товарищества, послал в Варшаву к польскому коронному гетману Прокопа Лазуку с товарищами Забиякою и Кисляковским: они повезли «суплику»⁴⁴ от войска низового запорожского с жалобою, что Москва нарушает их вольности и хочет всех их сделать рабами своего московского царя и его бояр. «Пусть, – обращались они в своей суплике ко всей Речи Посполитой, – пусть святой дух осветит сердца вельможностей ваших и даст вам здравый совет, а наше желание таково. чтобы оба народа, польский и малороссийский, соединились».

Обо всем этом гетман узнал через писаря Сажку и потом через посланного нарочно в Варшаву ловкого киевского торговки Ельца и сообщил в Москву; но там узнали о сношениях запорожцев с Польшею и другим путем. Какой-то шляхтич Подольский сообщил московскому резиденту Волкову о прибытии запорожцев, замечая, что король польский хоть и не примет запорожцев в подданство, но будет рад размолвке запорожцев с царем и с городскими козаками, потому что король польский, как и все вообще поляки, недоволен уступкою Москве областей, принадлежавших прежде Речи Посполитой. В следующем 1690 году Сажка известил гетмана, что Прокоп Лазука воротился от короля и привез королевский подарок 200 червонцев для раздачи товариству. Тогда гетман отправил в Сечь ловкого козака Василя Горбачевского, приказывая сойтись с Прокопом Лазукою и выведать от него, что ему говорили в Польше. Лазука открылся Горбачевскому и говорил: «Меня очень почетно приняли в Польше. Коронный гетман увещевал нас служить королю, а король, отсылая через меня 200 червонцев, обещал еще прислать поболее через посредство каких-то киевских знатных особ, но пусть гетман не доверяет ляхам. Из того, что я слышал от коронного гетмана и других знатных панов, вижу, что они зла желают нашей Украине». Такое предостережение Лазуки скоро стало подтверждаться вестями, приходившими из Крыма, что хан намеревается всеми силами орды своей помогать полякам подчинить себе Украину, а летом 1690 года Мазепа сообщил в приказ, что турецкие послы подали цесарскому величеству статьи о мире и в этих статьях упоминается только о цесарской державе, да о польской Речи Посполитой, да о Веницейской⁴⁵, а о царской державе нет и помина. Польский король то и дело что пересылается с крымским ханом, который берется устроить примирение между Турцией и Польшею. «Я имею, – писал Мазепа, – верную ведомость, что от цесарского величества и от польского короля великим государям царям никакого добра надеяться не следует, а, напротив, можно опасаться военных вредительства.

Так расплывались в ничто пышные ожидания успехов, которых, казалось, можно было ждать от союза христианских держав в борьбе с мусульманами. Союзники, вместо того чтобы действовать, поддерживая друг друга, ковали ковы один против другого и каждый поодиночке искал возможности помириться с враждующею стороною с выгодою для себя и в ущерб союзникам. Бдительный гетман, отлично понимавший, что такое польское правительство, следил за ходом дел и в пору указывал московскому правительству неискренность союза Польши с Россией и тем самым, оказывая ему услуги, располагал к себе его доверие.

Между тем у гетмана были внутри края между старшинами враги. не терпевшие его в равной степени, как не терпел их и он. Главными из них продолжали быть Леонтий Полуботок и Михайло Василевич Галицкий. О Полуботке доносил гетман, что он наговаривал киевскому воеводе князю Ромодановскому на гетмана, будто он, Мазепа, человек польской породы, посылает в Польшу к сестре своей старицу Липницкую для покупки маетностей и что войско запо-

⁴⁴ Смирненную просьбу (устаревший польский термин).

⁴⁵ Венецианской.

рожское этого гетмана не терпит и всем малороссиянам он неприятен. Ромодановский подтвердил, что это сообщено было Полуботком. Мазепа воспользовался челобитной, поданной на Полуботка некоторыми переяславцами, и испросил в приказе одобрение смены его с полковничьего уряда, назначив вместо него управлять Переяславским полком Ивана Лысенка.

С другим недоброжелателем гетмана, Михайлом Василевичем Галицким, Мазепа связал дело о появившемся в Киеве подметном письме.

9 марта 1690 года в Киеве стрелец Евстратка в Пятницких воротах Печерского местечка поднял письмо и принес его своему капитану, а последний доставил это письмо царскому киевскому воеводе. Письмо это заключало в себе предостережение от «зло-прелестного гетмана Мазепы». Оно выдавалось написанным жителем правой стороны Днепра, уступленной Польше. Припоминалось, как этот Мазепа когда-то людей православных русских – подольских и волинских – хватал и продавал бусурманам, обдирал в церквах с икон серебряные оклады и отдавал туркам, как после того своего пана гетмана задал в вечное бесславие и бесчестие и завладел его достоянием, с которого потом покупал сестре своей маетности в польских владениях, а на остаток, что горше всего, стакался с Голицыным, хотевшим жениться на царевне Софии и изгнать с престола и со света царя Петра, с тем и приехал в Москву, чтоб, устранивши Петра, устроить на свой счет свадьбу Голицына с Софиею. Они вместе затевали «искоренить, погубить и в ничто обратить престол от века сияющий и страшный всем гонителям на благочестие. Иные из соумышленников уже приняли суд, а его, который есть источник и начало пагубы, вы сохраняете на таком уряде, на котором если первого своего замысла и не учинит, то уже подлинно управляемый им край злою хитростию своей отдаст в нашу сторону, где все церкви Божий и людей вера благочестивая скончаются под игом польским, и вашей власти упадок, и нам кончину, и благочестию православному конец учинит прелестник Мазепа. Доколе же вы этого злодея, губителя будете держать? Ваше царское благочестие промышляете, как бы заграничных врагов победить, а этого домашнего врага бережете на пагубу своему царству! У нас в Короне Польской издавна так и ведется, что умышлявших зло королю казнят смертью и роды их, сеймовыми конституциями обесчещенные, пребывают вечно под банницею⁴⁶ и только для того держатся, дабы другие, видя постигшую их от Бога и Речи Посполитой пагубу, каялись и не покушались мыслить зла королю своему; сей же на ваше царское здоровье умышлял и ему как будто все прощено, и он ищет способа, как бы своего достичь! Вот и Шумлянский наш униат, а на самом деле римлянин (папист), изъявляет желание поддаться под власть патриарха московского, а все это для того, дабы через свою волчью покорность, вступивши под власть святительскую, мог вместе с злодеем гетманом учинить пагубу вашему престолу. Мы сердечно скорбим о таких изменнических видах против вашего престола и не желаем, чтобы цел оставался враг, чрез которого пала бы стена благочестия нашего, когда вы сами государи для того и мир с польским королем постановили, чтобы сияло благочестие». На обертке этого подметного письма было написано, что воевода должен передать его самим государям, а не иному кому для вручения, потому что изменник, будучи в Москве, раздавал ближним боярам многие сокровища за то, чтоб те при всяком удобном случае держали его сторону.

Письмо это было переслано в Москву, а из Москвы отправлено в Батурин с дьяком Борисом Михайловым, которому приказано было уверить гетмана в неизменной к нему царской милости. В Москве подозрение падало на некоего старца Одорского, приехавшего в Киев к митрополиту Гедону посвящаться в сан епископа Мстиславского. Киевские воеводы задержали его и взяли у него какие-то листы польского и латинского письма, которые почему-то показались подозрительными и теперь отправлялись к гетману.

Борис Михайлов прибыл в Батурин 8 апреля. Прием ему был очень почетный. За пять верст от города встречал его генеральный хоружий Ломиковский. По прибытии в Батурин цар-

⁴⁶ В изгнании (польск.)

ский посланец остановился на постоялом дворе, и гетман прислал за ним свою карету. На гетманском дворе встречали его генеральные старшины и пятьдесят знатных батуринских обывателей, а сам гетман стоял на крыльце своего гетманского дома и поклонился ему до земли.

«У нас, – сказал Мазепа, – так издавна ведется: как приедет к нам лицо от царского пресветлого величества, то генеральные старшины сходятся и радуются, и на радости у гетмана бенкетуют. и тебя, Борис, нам невозможно так же не почтить».

Посланник извинился недомоганием и уехал в той же гетманской карете в свое помещение. Отложили свидание до будущего времени. В назначенный для того день Борис Михайлова привезли снова. Мазепа встретил его на крыльце и ввел в свои покои. Свидание с царским посланником происходило наедине.

Соображаясь с данным наказом, Борис Михайлов, вручивши Мазепе подметное письмо, говорил гетману: «Кто бы мог быть таким недругом, что подкинул письмо? Не Одорский ли? Не взять ли бы его тотчас из Киева и привезти в Батурин на допрос?»

Дьяк сообщил гетману и другие подозрения: на некоего поляка Искрицкого, недавно приезжавшего в Малороссию и желавшего видаться с гетманом, и на одного священника, который приезжал в Киев просить благословения у митрополита на постройку церкви в Корсуни. «Этому попу, – сказал дьяк, – не следует позволять строить церкви в Корсуни, а дать бы ему священническое место где-нибудь на левой стороне, для того чтоб отвадить ездить к нам с правой стороны и подговаривать жителей к переселению с левой стороны на правую».

Проглядевши поданное подметное письмо, гетман поднял глаза к образам и произнес: «О, Пресвятая Богородица! Ты зриши мою убогую и грешную душу. Ты веси, как денно и ночью непрестанное имею попечение, как бы их царским величествам до конца живота услужить и за их государское здравие кровь пролить. Мои злодеи не спят и о здравии моем нудятся: ищут, чем бы могли меня поткнуть и погубить. На тебя. Богородица, моя надежда, что верная и истинная служба великим государям и мое радение до сего не допустят».

Затем гетман рассыпался в клятвах и уверениях в том, что никогда не имел помышления делать какой-либо вред великим государям. «Письмо это, – говорил он, – написано не в Польше и не поляком. Это показывают слова, каких в польской речи совсем нет. Думаю, это письмо написано здешними людьми, и притом не одним; в двух местах оно переправлено другим почерком. Это сочинил какой-то малороссийский уроженец левой стороны Днепра, притом часто бывавший в Москве. Подозреваю Михайла Василевича Галицкого: природа у него такая, что влечет к тому, чтобы другим делать зло и в людях посеять смуту. Когда я был в Москве, он всякими способами старался привлечь царя на гнев против меня. Тогда он для себя самого добивался гетманства. И прежде, когда еще я был генеральным асаулом, он составил подметное письмо, в котором написал, будто я гетманского сына Семена и дочь его, что была за боярином Шереметевым, отравил и на самого гетмана болезнь глазную наслал; только бывший гетман не поставил этого ни во что. Будучи гадяцким полковником, он самовольно сносился с крымскими мурзами и бывшего гетмана подбивал, чтобы тот надеялся на дружбу крымцев, а на того же гетмана писал подметные письма. Когда Михайла от полковничества отставили, он жил в Москве, а теперь услышал я, что его отпустили из Москвы в свои маестности в Лебединском уезде. Думаю, напрасно ему позволяют жить в малороссийском крае; будет из того вред: он уйдет либо на Дон, либо в Крым, либо в Запорожье – и там затеет такое дело, что после и слышать будет страшно. Пусть бы великие государи приказали поскорее взять его из Лебединского уезда и привезти в Москву. Есть у меня подозрение, что в написании подметного письма вместе с Михайлом участниками были: Дмитрашко Райча и Полуботок. В подметном письме есть выражение: „для милосердия Божия“. Такое выражение в обычае у Дмитрашки Райчи в письмах. Оба – и Дмитрашка Райча, и Полуботок – с Михайлом большие друзья, а Полуботок ему еще и сродни».

Тут гетман постарался набросить вскользь подозрение на Юрия Четвертинского. Мазепа сам, в бытность свою в Москве, исходатайствовал этому человеку возвращение в малороссийский край. Воротившись, князь Юрий Четвертинский женился на прежней своей невесте, дочери несчастного Самойловича, жил в своей маетности в хуторе, Дунаевце и принял к себе тещу, жену сосланного гетмана. Мазепе это было не по сердцу. Он навел речь на князя Юрия и говорил:

«Вот еще этот князь Юрий Четвертинский, пьяница, рассеивает в народе худые слухи на мой счет. Он говорил батуриному попу Василию: „Где прежде была вода, там опять вода будет. Бывшему гетману уже есть царская милость; увидишь, что с его злодеями станется!“ Да тут же меня помянул: не тайно, а явно знатным особам говорит про меня худое, не зазрясь ни на кого⁴⁷. Живет он, Юрий, под моим урядом, а мне унять его невозможно. Он пожалован стольничеством. Взять бы его с женой к Москве, да и тещу его вывезти бы из малороссийских городов и к мужу отослать, потому что от них умножается мне зло. Взять их отсюда есть пристойная причина: он – стольник и, находясь в таком чине, в дальних от Москвы малороссийских городах ему волочиться не довлеет, а гетманской жене от мужа врознь жить неприлично».

На другой день было новое свидание гетмана с дьяком. Борис, согласно с данным ему наказом, все-таки хотел подозрение в составлении подметного письма свернуть на кого-нибудь из жителей польских владений и говорил об Искрицком. Надобно знать, что еще прошлый год была к гетману подсылка от львовского епископа Шумлянського, принявшего унию. Приезжая к Мазепе, польский шляхтич Доморацкий привез от Шумлянського письмо такого содержания, что всяк, прочитавши его, мог подумать, что между униатским архиереем и малороссийским гетманом ведутся какие-то секретные сношения в пользу Польши и в ущерб царской власти. В этом письме говорилось о прежней посылке к гетману пана Искрицкого. Гетман тогда же сообщил об этом в Москву, подверг Доморацкого пытке и вместе с пыточными речами отправил его самого в Москву. Теперь Борис Михайлов говорил: «Вызвать бы тебе, гетман, этого Искрицкого. С ним бы ты мог разговориться и выведать, кто к тебе его посылал».

«У Искрицкого, – говорил гетман, – здесь есть тесть, Павел Герцик. Искрицкий хотел сюда ехать, да воротился назад, может быть, услышавши, что Доморацкий задержан. Я призову тестя его, Герцика, и скажу, чтоб он зятя звал к себе. Когда удастся мне Искрицкого заманить и он обличится в связи с Доморацким, я прикажу его вывезти за город Киев и повесить на дороге в польские города. Только напрасно искать составителя подметного письма в польской стороне, – и я, и все старшины подлинно знаем, что письмо это написано Михайлом Василевичем».

В это время пришло известие из Киева о кончине митрополита Гедеона. Царский посланник знал, что гетман не любил покойника, но Мазепа перед Борисом Михайловым, говоря о смерти Гедеона, прослезился и начал расточать похвалы двум скончавшимся тогда иерархам: митрополиту Гедеону и московскому патриарху Иоакиму.

Уже прощаясь с гетманом, царский посланник дьяк Борис Михайлов попросил назад подметное письмо, которое привозилось гетману для показа. Дьяк объяснял, что это письмо нужно для сыска воров в государевом приказе. Мазепа увидал недоверие к себе, изменился в лице, выслал прочь бывших там и, оставшись с Борисом Михайловым наедине, говорил: «Очень меня печалит то, что во мне сомневаются! Иначе для чего бы это письмо брать назад от меня? Зачем хотят хранить такие клеветы и сплетни про меня? Из этого я догадываюсь, что письму этому верят и о моей голове станут мыслить!»

Борис Михайлов уверял гетмана в неизменной к нему милости обоих государей и объяснял, что подметное письмо требуется обратно вовсе не ради какой-то осторожности от гетмана, а для сыска воров.

---

⁴⁷ Не стыдись никого.

Гетман позвал генерального писаря Кочубея и сказал: «Се ще мене щепя в сердце влезла! Борис просит лист назад». «Что с ним будете делать? Разве в наказе у тебя написано, что взять его назад?» – спросил посланца Кочубей.

«В наказе того писать не доводится, – сказал Борис Михайлов, – а мне приказано словесно привезти назад письмо».

Кочубей по приказу гетмана принес царскую грамоту, где было сказано, чтобы верить Борису во всем, что у него в наказе написано. Прочтена была грамота. Гетман произнес: «Видишь, верить тому, что в наказе написано, а того, чтобы письмо назад отдавать, – не написано, и потому нам отдать письма нельзя. Такие письма подираются и сжигаются, а я, гетман, до их государского указа то письмо сохранию в целости для подлинного свидетельства и сыска и учну до самой крайней ведомости доискиваться, а тебе того письма не отдам».

В разговоре с Борисом Михайловым Мазепа сознавался, что его многие не любят и считают поляком, способным изменить царской державе. «Зазрят мне, – говорил он, – что я когда-то в молодости был покоевым у прежнего польского короля Яна-Казимира и что у меня в Польше есть сестреница (сестра). Оттого чают у меня доброжелательство к польской стороне. Точно, меня в молодых годах отец отправил ко двору Яна-Казимира, только этого не следует мне ставить в подозрение. Лучше же было, что я научался обращению с людьми вблизи королевской особы, а не где-нибудь в корчмах, предаваясь всяким безобразиям. Хоть и был я при польском короле, однако после, по моей прямой совести, перешел на его сторону Днепра и тут получил себе милости и всякое добро, и дослужился до гетманского чина и с ним до всякого довольства и почета у их царских величеств, а не у польского короля. Теперь вот, по милости их царских величеств, я мало чем меньше польского короля. Чего же мне еще желать? Прежние гетманы помышляли иначе и зато себе восприяли, а я то имею непрестанно в своей памяти. А что моя сестра остается в Польше, так это потому, что она обжилась там и возвращаться ей сюда незачем. Ведь и кроме меня, гетмана, у многих из наших старшин есть сродники в Польше: у обозного Борковского, например, там родной брат... На них, однако, позора за то нет. И меня подозревать не следует, будто я доброжелательствую более польской стороне».

«Я, – заметил Борис Михайлов, – о тебе таких речей не слыхал, да и говорить никто не посмеет. Объяви, гетман, именно, кто о тебе такие речи говорил».

«Я ведь говорил. – отвечал гетман, – об этом, только очищая-чи себя от подозрений, а не на довод против кого бы то ни было, и объявлять о таких людях незачем. Вот только что нехорошо: нынешние малороссийские люди ездят в Москву и живут по столице в разных местах, а особого двора малороссийского не имеют, по своей воле везде бродят из улицы в улицу, иные покумились и посватались с вашими людьми всяких чинов и от них-то идут всякие поговоры и непристойные слова, и если на Москве впредь учинится какое воровство или подметное письмо явится, о том никакими способами розыскать будет невозможно. Пусть бы великие государи изволили указать особый двор для малороссиян, как уже было при царе Алексее Михайловиче».

11 апреля гетман отправил Бориса Михайлова с большим почетом, сам провожал его до кареты, а генеральные старшины, хоружие и асаул⁴⁸ проводили его за пять верст от Батурина.

Попытка гетмана заманить Искрицкого, как говорил гетман дяку, не удалась. Посланный челядник добрался до имения Искрицкого и подал ему письмо будто бы от Доморацкого. Но Искрицкий смекнул хитрость и сказал: «А где Доморацкий? Знаем мы вас, крашенные лисицы! Не будь мирного договора, знал бы я куда деть тебя, листоношу!» И прогнан был челядник и вернулся ни с чем.

---

⁴⁸ Высшая военная и гражданская администрация, совет при гетмане – генеральный обозный, генеральный судья, генеральный писарь, генеральный есаул (асаул), генеральный хорунжий (хоружий), генеральный подскарбий и генеральный бунчужный – считались выборными.

Между тем в Польше появилось от Мазепы такое же загадочное лицо, каким являлись из Польши в Малороссию к Мазепе Доморацкий и Искрицкий. Это был человек среднего роста, тощий, бледнолицый, с клинообразною бородкой, с длинными усами, в чернеческой⁴⁹ одежде. С виду казалось ему лет около сорока. Он называл себя иноком Соломоном. Он приезжал в Польшу два раза. Первый раз в конце 1689 года; тогда он привез и подал польскому королю в Жолкве письмо гетмана Мазепы, будто бы писанное во время возвращения из похода к Перекопу и порученное этому чернецу, бывшему в крымском походе с образом Всемилоственного Спаса. В этом письме гетман жаловался на утеснения, терпимые малороссиянами от Москвы, желал воссоединить снова Украину с Речью Посполитою, обещал расположить к этому Козаков, просил королевской протекции и заявлял, что с ним в замысле татары. Король не вполне поверил подлинности этого письма, задержал чернеца, отправил в Креховский монастырь недалеко от Жолквы, а немного времени спустя приказал отпустить его и выдать ему проезжий лист на обратный путь в Украину как человеку, будто бы бродившему за собиранием милостыни. Весной 1690 года Соломон явился снова в Польшу и направлялся прямо в Варшаву. Не доезжая польской столицы, нанял он какого-то студента и вместе с ним составил «воровские» письма к королю и к коронному гетману будто от имени Мазепы с таким же, как и в прежнем письме, желательством приязни и подданства Польской Короне от войска запорожского и от всего малороссийского народа. Студент, которого подговорил на это Соломон, прежде служил «хлопцем» у какого-то итальянца, а потом учил детей у хозяина того дома, куда пристал Соломон. После составления фальшивого письма чернец остался пьянствовать в Солке, а студент уехал вперед в Варшаву, явился к королю и донес об обмане. Скоро вслед за студентом прибыл в Варшаву чернец Соломон и подал королю письмо, будто бы от малороссийского гетмана, уже переписанное набело. Но король был уже предупрежден, приказал тотчас позвать студента и дать ему очную ставку с Соломоном. Студент обличал плутовство черневыми отпусками письма, написанными его рукою. Присмотревшись в лицо чернецу, король узнал в нем того самого, который уже приезжал к нему с подобным письмом и представлялся в Жолкве в прошлом году. Соломон сначала запырлялся и вывертывался: но когда ему пригрозили пыткой, то сознался, что оба раза подавал королю от гетмана Мазепы фальшивые письма и делал это самовольно, желая как-нибудь поселить раздор и смятение. После того, когда Соломона содержали под караулом, он, думая как-нибудь вывернуться, вымыслил еще два письма от Мазепы – одно к королю, другое к Шумлянскому, в которых излагалось удивление, почему посланный чернец Соломон не возвращается. Король на этот раз еще менее мог поддаться обману после того, как этот чернец был уже уличен студентом в составлении фальшивого письма. Припугнутый угрозами пытки, Соломон указал на фальшивые печати, выдаваемые за Мазепины, зарытые им в саду. Король приказал содержать чернеца Соломона под крепким караулом в двойных кандалах и уведомить о том московское правительство и гетмана Мазепу. Король сообщил Мазепе, что из показаний, данных Соломоном, оказывалось, что он был родом из Брод, служил у Дорошенка, потом ушел в Москву и поступил там в духовное звание. В то время как сам князь Василий Васильевич Голицын находился во вторичном крымском походе, сын князя, управлявший Москвой, посылал Соломона к бывшему гетману Самойловичу, и тот будто участвовал в замысле составить фальшивые письма от имени Мазепы к польскому королю.

Когда Мазепе доставлены были копии с показаний Соломона, он изъявил недоверие в их подлинности и советовал московскому правительству вытребовать Соломона в Москву чрез особого гонца в Польшу. О том же Мазепа писал к коронному гетману польскому, домогаясь отсылки Соломона в Москву. Гетман настаивал на обвинениях Михайла Василевича Галицкого и притягивал к делу некоего Афанасия Озерянского, служившего по разным поручениям у Михайла Василевича и жившего у последнего в Москве. Арестованный в Ахтырке или Лебе-

⁴⁹ Монашеской.

дине, Озерянский был доставлен в Батурин и там выдавал за неоспоримую истину, что чернец Соломон выслан был в Польшу Михайлом Василевичем. По настоянию гетмана еще 24 апреля велено было препроводить Михайла Василевича в Москву с женой и детьми. но, по осмотру врача, Михайло Василевич оказался страждущим меланхолией и был оставлен в слободе Михайловке до зимнего пути. Мазепа не давал ему покоя: по гетманскому прошению последовал 10 октября указ Шереметеву непременно взять Михайла Василевича и доставить в Москву. Не помогло Михайлу Василевичу обращение к новоизбранному после Гедеоны киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому с просьбой примирить его с гетманом, который заподозревает его без всяких оснований в слагании фальшивых писем. Гетман, с обычным ему видом мягкосердечия, уверял митрополита, что он рад все сделать для Михайла Василевича, но не смеет без царского указа, а между тем продолжал посылать в приказ просьбы о непременном арестовании Михайла Василевича. 30 ноября Шереметев арестовал Михайла Василевича и его повезли в Москву вместе с детьми, оставивши, однако, в имении больную жену владельца. Так как все предшествовавшее лето шли толки о Михайле Василевиче и можно было предвидеть, что как бы он ни отписывался, а все-таки его повезут в Москву, то Леонтий Полуботок, благоприятель и родственник Михайла Василевича, опасаясь, чтобы по настоянию Мазепы не арестовали и его, решился предупредить беду отважным шагом: в июле 1690 года он сам побежал в Москву, думая добиться личного представления царю Петру и подать ему на письме обличение против гетмана. Царь Петр не допустил его к своей особе, а приказным путем Полуботку трудно было выиграть свое дело, потому что обвинения против гетмана он не основывал ни на каких неоспоримых доказательствах. 23 июля его отправили за караулом в Малороссию, поручили гетману держать его в своей маетности, и гетману «учинилась от того великая, стыдная печаль».

В Москве не имели никакого повода принимать на веру доносы врагов гетмана, тем более когда Мазепа сильно себя выгораживал заранее тем, что домогался, чтобы Соломона препроводили не к нему, а в Москву. Но в Москве в обращении с малороссиянами давно уже усвоили способ держаться, как говорится, себе на уме, поэтому не удивительно, что Михайло Василевич, привезенный в столицу в конце 1690 года, тотчас же в начале 1691 года отпущен был в свою маетность Михайловку, а за поведением гетмана думный дьяк Украинцев секретно поручил наблюдать генеральному писарю Кочубею.

Соломон сидел в кандалах в Польше, а Доморацкий в Москве. Московские бояре обратились к жившему постоянно в царской столице польскому резиденту Довмонту и требовали выдачи Соломона. В сентябре 1691 года польский гонец Ян Окраса передал в подлиннике составные письма и поддельные печати, взятые у Соломона, а затем по королевскому приказанию выдан был и Соломон, взамен которого бояре выдали Доморацкого, сообщая, что король должен приказать казнить его смертью, а вместе с тем произвести розыск над Шумлянским и учинить ему наказание. Об этом униатском епископе Шумлянском в Москву приходили жалобы от киевского митрополита Варлаама в том, что Шумлянский при живом митрополите именует себя киевским митрополитом и самовольно присваивает себе в польских владениях маетности, принадлежащие киевской митрополии.

Выданного поляками Соломона отправили для казни из Москвы в Батурин с царским гонцом Языковым. Мазепа относительно Соломона показал себя сдержанно: он объявил, что без совета со всеми полковниками не станет его казнить: так издавна ведется по войсковым обычаям. Мазепа уверял, что вообще не желает никого казнить смертью и сам будет за своего злодея и клеветника просить милосердия у великих государей.

Удерживая на время Языкова, Мазепа послал созвать старшин и полковников для суда над преступником. Этот преступник, как оказалось, назывался в мире Семен Троцкий; по лишении монашеского сана он предан был мирскому войсковому суду под именем расстриги Сеньки. Царский гонец привез Мазепе самую приятную новость: Михайло Василевич, по ука-

занию на него самого Сеньки, привезен в Москву, жестоко пытан и осужден на ссылку в Сибирь.

Съехавшиеся старшины и полковники подвергли розыску Сеньку Троцкого.

«Помни страшный суд Божий и смертный час свой, – говорили ему, – скажи правду. Кроме Мишки Васильева кто еще был с тобою в соумышлении?»

«Я уже все сказал на Москве, – отвечал подсудимый, – никаких не было соучастников. Если бы кто в сем деле был со мной, я бы еще в Москве все сказал – не стерпел бы таких жестоких пыток с огня».

Его приговорили к смертной казни. Тогда царский гонец сказал: «Итак, мне остается казнить его тотчас».

«Казнить его тотчас нельзя, – возразил гетман, – мы о нем к великим государям писали. Подождем царского указа. Еще надобно дать преступнику время покаяться да и людей собрать побольше, чтобы все видели казнь его. Недурно было бы повезти его по всем городам, чтобы народ везде его увидел. Мишку же Василевича надобно заслать на вечное житие в самые дальние сибирские города... Скорбно мне то, что злые люди из малороссийских жителей клеветают на меня. будто я служу великим государям неправдою, будто думаю изменить и передаться польскому королю в подданство. Сокрушаюсь, когда я слышу об этом. На прежних гетманов таких наветов не было, как на меня».

До получения царского указа Сеньку Троцкого держали в тюрьме. Царской милости не последовало. Сеньку казнили смертью 7 октября 1692 года.

Гетман был доволен, что ему удалось уничтожить одного из злейших врагов своих, Михайла Василевича, но ему хотелось также утопить Леонтия Полуботка и сына последнего, Павла. Гетман говорил Языкову:

«Говорил нам миргородский полковник Данило Апостол: как мы с старшинами ехали к Троице по указу государя Петра, Павел Полуботок догнал на дороге ехавшего в карете Апостола и сказал, что был у Михайла Василевича и тот едва ли не исполнит давнишнего намерения своего снять с плеч голову гетману. Дело выходит так: если знал Павел Полуботок про такой замысел, то и отец его, Леонтий, наверное знал. Явно показывается злоба их обоих ко мне: от; знали об умысле на жизнь своего властителя и не предостерегли его».

Войсковой суд решил обоих Полуботков лишить маестностей и держать под стражей.

Дело чернеца Соломона осталось неразъясненным и загадочным. Устрялов, в своей «Истории Петра Великого», склоняется к такому мнению, что Мазепа в самом деле тайно посылал в Польшу этого чернеца. Но на это нет никаких оснований. Невозможно, чтобы Мазепа, доверивши Соломону такое страшное для себя дело, сам потом добивался, чтобы Соломона выдали в Москву и допрашивали его там, а не в Батурине. Не следует допускать тайной измены в 1690 году на том только основании, что этот человек оказался изменником через 18 лет. Обстоятельства позже были совсем иные, чем ранние. Мазепа действительно был истый поляк по своему польскому воспитанию и шляхетскому происхождению, но раз, отступивши от Поляны к козачеству, он сделался гетманом, получил в козачестве такую высокую степень, которая ставила его, как он сам о себе выражался, мало меньше польского короля; обласканный московским правительством, не имея притом повода опасаться прекращения к себе доверия, Мазепа ничем не мог быть побуждаем к измене: польская сторона не была могущественна, а московская слишком слаба. Мазепа не был еще тайным врагом русского царя и русской державы, потому что это не представляло ему никаких выгод. Был ли кем-нибудь подослан Соломон или же по собственному побуждению составил подлог, это остается неизвестным, тем более что у нас в руках не было допросов, сделанных ему в Москве, и очной ставки с Михайлом Василевичем. Во всяком случае, нет причины не допускать вероятности того, что выставлено причиною появления этого чернеца именно интриги Михайла Василевича, который так же ненавидел Мазепу, как и Мазепа его, преследуя упорнее, чем кого бы

то ни было из своих недоброжелателей. По настоянию Мазепы, в Сибирский приказ дан был царский указ – «сосланного в Сибирь Мишку Василева беречь строже, как человека вельми коварного и неусыпного изобретателя козней». Все имущество осужденного было отписано на гетмана. Но сын сосланного, Данило, упросил возвратить ему движимое отцовское имущество, хотя слободу Михайловку отдали племяннику гетмана Обидовскому. Мазепа был недоволен и этой милостью к сыну своего лютого врага. Тем не менее последний нашел себе в Москве настолько покровительства, что мог упросить, чтоб его родителя не отправляли в Красноярск, дабы не дать ему там умереть с голода, а оставили на житье в Тобольске.

Кроме таких крупных врагов, как Михайло Василевич и Полуботки, гетману досаждали другие, не столько важные лица. Так, в начале 1690 года глуховский сотник доносил севскому воеводе, что в город Глухов приезжал из Севска ротмистр Соболев с тремя рейтарами и в ратуше, в собрании товарищества, произносил непристойные речи о гетмане и о великих государях, говоря так: «Худо великие государи делают, что служилым людям волокиту чинят; себе-ремся и убьем гетмана, а другого поставим!» Произведено было следствие. Соболев запирался в худых речах о государях, а в речах о гетмане сознался, говоря, что произнес это в пьяном виде, и за это козак бил его по щекам. Соболева указано было севскому воеводе казнить смертью, «чтоб иным непостоянным людям неповадно было таких лукавых и возмутительных слов изрыгать». Двое из ходивших по городским и сельским ярмаркам торгашей: один – москвич Кадашевской слободы, другой – калужанин, говорили: «Гетману не долго быть на уряде; скоро пришлют из Москвы бывшего гетмана на его место, затем, что малороссийский народ не только не хочет иметь Мазепу у себя гетманом, но желал бы, чтоб имя его здесь не вспоминалось». Индуктор, собиравший на границе торговые пошлины, услышал это и донес. Обвиняемые на допросе, учиненном над ними в Севске, заперлись и их посадили только в тюрьму. Явился еще врагом гетмана некто Михайло Чалиенко. Родом он был из Черкас, немалое время находился в татарской неволе, после освобождения явился в Киев и подал донос на гетмана в таком же смысле, как подавались и прежние доносы: гетман по природе поляк и желает отступить от державы великих государей под польскую власть; в этих видах он приобретает себе заранее маетности в польских владениях и просил зятя своего Войнаровского, земского старосту владимирского, селить людей в селе Мазепичах (Мазепинцах), где родился Мазепа. Доносчика было приказано наказать кнутом и сослать в Архангельск; но Чалиенко убежал оттуда, скитался и в 1693 году был, вместе со своим братом Лукою, схвачен в малороссийском городе Воронеже тамошним сотником и отправлен в Батурин. Царским указом от 2 июня ведено было казнить его смертью. Мазепа, неумолимый к таким врагам, которых опасался, зная, что за ними есть в Москве протекция, склонен был показывать великодушие к врагам неважным и мало-сильным. Он ходатайствовал о милосердии Чаленку. «Сам я человек грешный, – писал он, – и верю, что Господь наипаче прощает грехи тем, которые прощают другим причиненные им досады». Московское правительство отозвалось, что опасно оставлять в живых таких, которые могут убежать в польскую сторону или пристать к врагам в случае неприятельского вторжения. В Москве какой-то малороссиянин Порваницкий распространял о гетмане худые слухи, и хотя, когда его схватили, он под пыткой показал, что болтал в пьяном виде, однако его отправили в Батурин для совершения над ним казни.

Недавно еще московское правительство возмущено было пасквилем в подметном письме, поднятом великорусским ратным человеком. Вскоре, в 1691 году, явился в Киеве другой пасквиль на гетмана. Его принесла в киевский Фроловский девичий монастырь неизвестная монахиня из польских владений. В этом новом пасквиле говорилось почти то же, что и в прежнем: что Мазепа некогда продавал бусурманам христиан в рабство, что, достигши гетманского сана, злоумышлял, вместе с князем Голицыным, на жизнь царя Петра, что у него есть тайная мысль отдать Малороссию Польше, с целью истребления православных церквей и православной веры, и что, готовясь к этому исподволь, он покупает для сестры своей маетности в польских

владениях. Митрополит при трех игуменах допрашивал игуменью Фроловского монастыря и сестер и, не доискавшись, кто такая была неизвестная монахиня, доставившая в монастырь письмо, отправил их в Батурин. Гетман также ничего от них не допросился и поручил матери своей, игуменье киевского Печерского девичьего монастыря Магдалине, произвести каким-нибудь путем дознание – кто такая была эта неизвестная монахиня. Мать Мазепы отправила доверенную монахиню Липницкую в Полонский девичий монастырь, находившийся в польском владении. Липницкая провела, что то была уставщица того же монастыря и что еще прежде она сообщила своей игуменье, будто нашла это письмо на дороге в верхнем городе Киеве против двора воеводского и отнесла во Фроловский монастырь без намерения вредить гетману. Уставщица, снова спрошенная в присутствии Липницкой, во всем заперлась. Этот пасквиль не мог повредить гетману, как и прежний, но Мазепа немало тревожился такими выходками против себя и так изъяснялся в своих отписках в приказ, обращенных к лицу государей: «Истинно радетьная служба моя не точию в нерадетельство, но и в злое клятвопреступничество превращается. Тяжко уязвлен есмь непрестанными болезнями, сокрушилось иссохлось сердце мое. Идеже бы мне без таковых напрасств и козней свободным разумишком мыслити и простирати начинания о належащих в предбудущие времена службах и радениях, которые бы к угождению вам и к охранению вольностей православного российского народа належажи, тут утесняет мя всегда скорбь, печаль, плачь и воздыхание, отчего неточию плоть моя немоществует, но и малый разумишко мой пришел в притупление и дух мой едва держится во мне».

Московское правительство не только угождало гетману, показывая недоверие ко всем обвинениям, так обильно сыпавшимся против него, но оказывало милости родным его и всем, за кого он ходатайствовал. Сестра гетмана, о которой шла речь в подметном письме, была прежде замужем за Обидовским: от этого ее брака был сын, служивший при Мазепе в козачестве, сделанный впоследствии нежинским полковником и по ходатайству дядюшки-гетмана пожалованный вотчинами. Эта сестра гетмана, после смерти первого мужа, вышла вторично замуж за некоего Витуславского, от которого имела дочь Марианну, потом в третий раз вышла за поляка Войнаровского, от которого имела сына уже подростка, по имени Андрея, любимца гетмана. Между нею и ее третьим мужем произошел разлад, и она приехала в Киев к своей матери, игуменье Магдалине. Игуменья тотчас представила ее царскому киевскому воеводе князю Ромодановскому и тогда писала к своему сыну-гетману: «Теперь-то пристойно врагов наших обличить, зачем лают они, будто мать твоя высылает сестре твоей в Польшу казну, а сестра твоя покупает там для тебя маетности. Спросить бы сестру твою, да и челядь, хотя бы под страхом огненной пытки, какие там такие новокупленные маетности?»

Гетман, не считая возможным ехать в Киев для продолжительного свидания с сестрой, просил московское правительство дозволить последней приехать к нему в Батурин. На это последовало разрешение указом 18 декабря 1691 года. Сестра оставалась у гетмана в Батурине до октября 1692 года, и Мазепа испросил у московского правительства разрешение сестре своей на беспрепятственный приезд в царские владения для свидания с матерью-игуменьею, с братом-гетманом и сыном Обидовским. «У меня, – замечал Мазепа, – в целом свете нет другого родства, кроме сестры, и мы друг к другу сердечною разжигаемся любовью; притом она исповедания восточного и желает почаще поклоняться киевской святыне». Впоследствии, зимою 1694 года, эта сестра Мазепы жаловалась брату, что муж ее Войнаровский, будучи сам римско-католического исповедания, стал побуждать ее изменить православию и не допускал к ней православных духовных с требами, поэтому она не хочет жить с мужем и просит дозволения навсегда переселиться в Киев к матери своей, игуменье Магдалине, и принять иноческий ангельский образ. Мазепа не решался сам разрешить ей этого, а испросил разрешения у царя через племянника своего Обидовского; сестра его приехала в Киев с двумя падчерицами, дочерьми Войнаровского от первого брака. Спустя недолго после того Мазепа сообщал, что

Войнаровский из польских краев требовал возвращения к себе жены своей, но она скончалась в киевском монастыре.

По ходатайству гетмана избранный новый митрополит киевский, Варлаам Ясинский, получил право именоваться экзархом московского патриархата и подтверждение прежних грамот Софийскому митрополитскому собору на маестности. Место архимандрита печерского после Ясинского заступил бывший генеральный судья Вуехович. Бессемейный и безродный, он, чувствуя уже подходящую старость, счел за лучшее искать пристанища в стенах святой обители и, пользуясь своим званием генерального старшины, без всякого полагаемого монастырскими уставами искуса, оставив свой судейский стол, прямо стал высокопреподобным отцом, а гетман, по его пострижении, исходатайствовал оставление за ним его прежних маестностей. При этом гетман не обошелся без того, чтоб и себя выставить. «Не хочу, – писал он, – поступать так, как, бывало, поступал прежний гетман в таких случаях, что себе все забирал».

По ходатайству гетмана получили жалованные грамоты на монастырские владения: игумен Киево-Николаевского монастыря Иоасаф Кроковский, Межигорского монастыря игумен Иродион Журавский, которому подтверждены были ставропигиальные грамоты⁵⁰ греческих патриархов. Братского монастыря ректор Гавриил и больничного монастыря при Печерской лавре игумен Иезекииль; им посланы были богослужебные одежды, утварь и обычная царская милостыня, а киевского девичьего Михайловского монастыря игуменья Агафия получила жалованную грамоту на деревню с землями, садами и прудами. Выпрашивая от московского правительства милости монастырям, гетман перед тем воздвигал на собственный счет храмы в этих же монастырях. В 1690 году построена была его иждивением соборная церковь в Николаевском монастыре, а в 1693 году воздвигнута Богоявленская каменная церковь в Братском монастыре и сооружен старый каменный академический корпус.

---

⁵⁰ Документы, подтверждающие непосредственную подчиненность монастырей патриарху.

Глава четвертая

Охлаждение между польским и московским дворами. – Опасение мира Польши с Крымом. – Народные бедствия в Украине. – Бегство народа в Сечу. – Смуты в Сече. – Петрик. – Его явление я Сече. – Его письма к жене и Кочубею. – Мятельные затеи. – Бегство Петрика в Кизикермень и в Крым. – Возмутительные воззвания к запорожцам. – Договор татар с запорожцами у Каменного Затона. – Возмутительный универсал Петрика к малороссийскому народу. – Неудачи. – Бегство татар и Петрика. – Стан Петрика у Перекопа. – Новые неудачные попытки. – Приступ к Полтаве. – Бегство из-под Полтавы. – Колебание в Запорожской Сече. – Меры относительно владельцев и арендарей. – Военные походы казацких отрядов в дикие поля.

Дружба и союз России с Польшею, состряпанные искусственно, сшитые на живую нитку, видимо, распадалась. Это показывали и загадочные подсылки к малороссийскому гетману, и принятие в Варшаве по секрету запорожских посланцев, и более всего сношения короля польского с ханом, открытые русским резидентом и подтверждаемые Мазепою, узнавшим о них через своих согладатаев. В Запорожской Сече постоянно боролись две партии: одна, всегда недовольная московским правительством, – хотела примирения и союза с Крымом, находя в таком союзе возможность получать выгоды от добывания соли и рыбы в крымских владениях; другая – склонялась к повиновению царям московским главным образом ради того, чтобы получать každогодне царское жалованье. Осенью 1690 года последняя партия взяла верх. 17 сентября царский стольник Чубаров с двумя посланцами от гетмана привез в Сечу царское жалованье и царскую милостивую грамоту, в которой убеждали запорожцев не мириться с татарами, царскими врагами и, напротив, быть готовыми к войне против них. С особым торжеством принимал желанных гостей кошевой атаман Гусак, одетый по-праздничному, в кармазинный кафтан, подбитый собольями, со знаком своего атаманства – оправленной золотом и камнями «камышиною» в руке, в сопровождении всей сечевой атамании и товариства, также «цветно и стройно» разодетого. Гремели пушечные и ружейные выстрелы, били в литавры. Во всеуслышание прочитана была царская грамота, розданы были всем товарищам по росписи присланные царские подарки – меха, сукна и ткани. Тогда запорожские товарищи произносили такие слова: «Пора. нам, наконец, Бога бояться, пора перестать гневить христианских государей и тишить бусурман». Мазепа, изведав об этом приказ, придавал этим словам значение обращения запорожцев на правый путь, советовал посылать скорее к запорожцам великороссийские ратные силы и заняться укреплением южных городов Русской державы.

Но скоро гетману пришлось не хвалить запорожцев, а делать им выговоры. Запорожцам хотелось скорее воевать против татар, чтобы с войны получать добычу и таким образом – в мире ли чрез посредство безопасных промыслов, или в войне через добычу, – а все-таки не оставаться без выгод на счет своих бусурманских соседей. Они послали спросить гетмана: когда же прикажут выступать им в поход. Гетман отвечал, что делать такие вопросы непристойно, а надобно с терпением ждать царского указа; иначе, если такие намерения несвоевременно разглашать, неприятель узнает и станет принимать свои меры. Во все лето 1691 года хотя и происходило несколько отдельных стычек с татарскими загонами⁵¹, но они были неважны и неудачны, а зимой приходили угрожающие вести, что крымский хан выслал на Подол с ордою какого-то козака Степика, именовавшего себя гетманом козацким с бусурманской стороны, и, сверх того, другая орда еще в большем размере готовится идти в малороссийские города. Тогда в Сече опять пробудились и зашевелились буйные инстинкты, враждебные московскому

---

⁵¹ Отрядами.

правительству и склонные к тому, чтобы пристать к татарам. Кошевой Гусак с трудом усмирив в Сече междоусобие и казнил зачинщиков, но зато навлек на себя ропот. Тут в это время в Сечь накопился удалый сброд из Украины, распространявший неудовольствие и против великоросских властей, и против гетманского управления. Было в Украине разом несколько причин, возбуждавших волнение в посполстве. Выше было указано, какое множество жалованных грамот на маестности исходатайствовал гетман в Москве разным старшинам, генеральным и полковым и войсковым товарищам. Во все эти маестности были посланы гетманские универсалы, возлагавшие на посполитых жителей этих маестностей обязанность повиноваться своим новым владельцам. Но в Малороссии между козачеством и посполством не установилась еще строгая разделительная сословная черта. Козаки пополнялись из посполства по распоряжению гетманского правительства, а во время войн, когда нужно было поболее военной силы, посполитые самовольно шли на войну, потом уже оставались козаками и признавались в этом звании. Так было, как мы знаем, в последние два крымских похода. Со времен Богдана Хмельницкого козацкие правители старались не допускать такого окозачения всего народа и строго хотели отделять законно приобретших козацкое звание от посполитых, или, как выражались тогда в Малороссии, Козаков от мужиков, Московское правительство, по представлениям гетманов, также признавало справедливым соблюдать это отличие; чтобы не допускать составления самовольных козацких ватаг из посполства, учреждены были компанейцы⁵². Но когда распространилось и умножилось так называемое охотное войско, содержимое на счет войскового скарба особо от городских Козаков, то посполству открывался новый путь вступать в козачество. Охотные набирались отовсюду и посполитые могли записываться в число их. Но то были случаи, когда поступление в козаки посполитых было не противно правительству. Такие случаи представлялись нечасто, а весь народ вообще не знал и не хотел знать разделения Козаков от мужиков. Мужикам хотелось быть одинаково вольными козаками. Таков был народный взгляд, который, однако, должен был склоняться перед другим правительственным взглядом. Понятно, что посполству, жившему в маестностях, жалованных знатным лицам, не по сердцу было повиноваться новым господам. Те, которые были поотважнее, убегали из этих маестностей в Сечу.

Но к этому присоединились разом народные бедствия, усилившие волнения в народе. В 1690 году свирепствовала моровая болезнь, зацепившая Запорожье и южную часть Полтавского полка и во всех остальных полках наводившая на народ оторопь ожидания. В тот же год летом на малороссийский край было нашествие саранчи. Она появилась с юга 9 августа и прошла всю Украину до Стародуба, опустошила весь хлеб на полях и произвела ужасную дороговизну; осмачка (полчетверти⁵³) ржи и овса продавалась по три золотых, что считалось в то время очень высокою ценой. Множество дохлой саранчи производило смрад; скот поедая ее с травою, заболел, и даже говядина пропахивала саранчою. Некоторыми страхе казалось, что у саранчи на одном крыле можно было разобрать начертанное слово «гнев», а на другом крыле слово «Божий». Затем по многим местам Украины начались пожары. Неудивительно, что воображение народа, уже болезненное, стало приписывать эти пожары поджигателям, подсылаемым ляхами, заклятыми врагами малороссийского народа. Рассказывали, что хватаемые были лазутчиками, которые сознались, что отправлены польским правительством производить поджоги в малороссийских городах. Трудно определить, в какой степени была тут какая-нибудь доля правды: при пытках, которые в том веке неизбежно употреблялись, люди легко могли наговаривать на себя все, что им прикажут, а народ склонен был сочинять рассказы, объяснявшие постигшие их бедствия. От всех таких-то причин накопилось в Сече много украинского народа, недовольного положением дел на своей родине. Эти беглецы говорили, будто у моска-

⁵² Казаки наемных конных войсковых частей – компанейских полков.

⁵³ В конце XVII в. казенная четверть (две осьмины) равна восьми пудам. Здесь – осмачка (осмина), т. е. четыре пуда зерна.

лей есть намерение выселять людей из Гетманщины на слободы, а с правого берега Днепра перегонять расселявшихся там жителей на левый берег, как уже делалось при Самойловиче; они кричали, что в Гетманщине завелось панство, что цари, по просьбе гетмана и старшин, отдают народ панам в неволю, жаловались на аренды, которые стесняли свободные промыслы народа и давали возможность немногим обогащаться в ущерб бедного люда.

В таком беспокойном состоянии умов застал Запорожье 1692 год, и тут наступила новая, и более бурная смута, наделавшая в течение нескольких лет немало кутерьмы и на Запорожье, и во всей Гетманщине. После праздника Крещения привезли из Москвы в Батурин царские дары гетману, генеральным старшинам и козацким полковникам. Некоторые из полковников находились лично в Батурине и там получили царское жалованье, приходившееся на их долю, а тем, которые были тогда в своих полках, гетман отправлял царские дары с нарочными посланцами. В числе отсутствовавших был полтавский полковник Федор Жученко. К нему на всеедной неделе послан был с этою целью войсковой канцелярист Петр Иванович, по-малороссийски Петре Иваненко, носивший кличку Петрик, в старой песне ему дается прозвище Петричевский. Сделавши свое дело и получивши от полковника Жученко благодарственное письмо к гетману, Петрик, вместо того чтобы возвращаться в Батурин, объявил, что поедет в Новый Санжаров для посещения там своих родных. Это было уже при наступлении великого поста. Выехавши из Полтавы, Петрик переправился через Ворсклу в степь, покинул свои санки под стогом сена, а сам со служителями сел верхом на лошадей; они поскакали в Сечь Запорожскую. Скоро после того пришло к гетману известие через переволочинского «дозорцу» Рутковского, что Петрик, приютившись в Запорожье, настраивает на мятежнические затеи Козаков и самого кошевого. Петрик уверял запорожцев, что если пригласить татар и с ними войти в Украину, то весь тамошний народ поднимется, гетман улепетнет в Москву, а бедные люди все пристанут к запорожцам и передуют панов своих, которым цари надавали вольностей. Передавая гетману такие речи, произносимые возмутителем в Сече, сообщали, что когда кошевой трезв, то говорит ему: «Полно тебе, Петр, врать», но чуть подопьет, так и сам несет много непристойного, а степенные и благонамеренные люди принуждены только молчать.

День ото дня в Сече поднималось значение Петрика. Живя там, он написал письма к Кочубею и к своей жене. Первого из вешал он, что убежал в Сечу от бесстыдной ярости жены своей, которая не только злословила его, но и посягала на его жизнь; он нашел приют себе в Сече Запорожской, которая издавна была всем обидимым исконное прибежище и заступление. «Лучше мне, – выражался он в письме своем, – есть соломаху здесь с добрыми молодцами, чем жить беспрестанно в страхе внезапного прекращения живота моего». В письме к жене он выражался так: «Ганно! ты как хотела, так и учинила! Не описываю твоих непристойных и злоторных поступков. Сама ты ведаешь, что делала. Если тебе лучше будет без меня, то забудешь меня. Живи, богатей, прохлаждайся, а я себе хоть соломаху естиму, да не буду опасаться за свое здоровье. Пришли мне зеленый кафтан, котел, треног и путо ременное, а хлопство мое (прислуга), что там осталось, пусть будет в целости. Марта 2. Твой желательный муж».

Гетман, узнавши, что Петрик волнует запорожцев, писал кошевому, что этот человек, бывши войсковым канцеляристом, украл из канцелярии важные бумаги и скрылся в Сече. Гетман просил выдать его как вора и плута. На раде, созванной по этому поводу, разделились голоса: нашлись такие товарищи, что хотели поступить в угоду гетману, но другие, и сам кошевой, заступились за Петрика. Кошевой атаман Гусак говорил: «Если мы Петра Ивановича выдадим, то к нам в Сечу никто ходить не станет, а у нас покой века так ведется, что, всем приход вольный». Защитники Петрика взяли верх, и он не только остался в Сече, но еще избран был кошевым писарем. Тогда успел он многих соблазнить уверениями, что, пришедши в Украину, все они станут ходить в кармазинах, что сам гетман требует его выдачи только оттого, что боится москалей, которые находятся около него и наблюдают за ним, а на самом деле гетман

склонен к нему, Петрику. Еще более вероятным показалось сечевикам, что Кочубей, как уверял Петрик, ему покровительствует.

Но Запорожье издавна отличалось непостоянством: легко и неожиданно могла взять верх противная партия, которая уже на раде соглашалась выдать Петрика. Притом Петрик в своих видах не мог опираться на содействие одних запорожцев, приходилось искать еще какой-нибудь иноземной помощи. Петрик недолго оставался в Сече и в том же 1692 году после Юрьева дня ушел вместе с запорожцем Василием Бузским в Кизикермень⁵⁴, ни у кого не спрашиваясь, хотя кошевой атаман и знал, куда он уходит. За Петриком последовало сечевиков человек шестьдесят, которых он успел уже настроить. Кроме их, в Сече было довольно так называемой «сиромы» (оборвышей), готовой пристать к Петрику, как только он появится с каким-нибудь признаком успеха, потому что эту «сирому» очень соблазняла возможность пограбить арендарей и богатых панов «кармазинников».

В Кизикермене Петрик разглашал, будто послан Кочубеем, генеральным писарем, который, будучи враг Мазепе, хочет свергнуть его с гетманства и сам стать гетманом. Через три дня после побега Петрика из Сечи явился туда козак с письмом Петрика к кошевому атаману и ко всей запорожской братии: Петрик благодарил за хлеб за соль, извещал, что идет немедленно поднимать орду на Московское государство и скоро прибудет со вспомогательными татарскими силами за тем, чтобы начать дело освобождения Украины.

Петрик перешел в Крым. Сперва Петрик заметил у татарских мурз мало охоты подавать помощь запорожцам. Только несколько мурз показали к его делу сочувствие. Зато при их содействии Петрик добился ласкового приема у хана и объявил, будто Сечь Запорожская поручила ему вступить с крымским юртом в мирный союз против Московского государства. Петрик уверял хана, будто все украинские города только и ожидают прихода хана с его ордынскими силами, чтобы восстать против ненавистных москалей. Тут пришли в Крым к Петрику четыре козака, и Петрик уверял хана, что эти козаки прибыли от всех жителей малороссийских просить крымской помощи против москалей.

В то время, когда Петрик явился в Крым, хан был озлоблен против Москвы. Недавно перед тем ездил по поручению гетмана в Крым гетманский гонец, черниговец Пантелеймон Радич, проведать, есть ли со стороны татарской желание начать мирные переговоры с Россией. Хан Саадет-Гирей по этому поводу послал гонца в Москву проведать: какого рода были бы с царской стороны желательные условия примирения. Московское правительство вслед за тем отправило в Крым подьячего Василия Айтемирова с проектом условий мирного договора. Но эти условия не по вкусу приходились крымцам. Русские хотели, чтобы при размене пленных соблюдено было совершенное равенство, и русские пленные из Крыма, как и крымские из России, были бы отпущены без всякого окупа. Татары отвечали: «Ваших московских и козацких людей в полону у нас тысяч сто, а наших у вас каких-нибудь тысячи две, много три... Как же можно освобождать нам ваших без окупа? Издавна велось, что при размене пленных присылали из Москвы разменную казну за ваш полон. Наш хан и весь крымский юрт готовы с вами мириться, но готовы и биться: за казну все станем, как один человек. Татарин за добычу воюет оттого, что у него всего пожитку что два коня, а третья своя душа». Попытки к устройству примирения повели только к большему озлоблению, и даже московский гонец, привозивший проект мирных условий, подвергался оскорблениям. Тут, как нельзя кстати, к хану обратился Петрик с предложением воевать вместе с татарами против москалей.

18 мая Петрик писал в Сечу, что заключил с ханом договор, которым, как он надеялся, запорожцы будут довольны. По этому договору со стороны хана дозволялось запорожцам невозбранно отправлять свои рыбные и соляные промыслы по обоим берегам днепровского низовья и по рекам, впадающим в Днепр, как это бывало при Богдане Хмельницком. Кто захо-

⁵⁴ Ныне Берислав, заштатный город Херсонской губ.

чет идти на такие промыслы, тот должен испросить позволения у кошевого атамана и тогда смело может отправляться, не опасаясь никаких беспокойств от татар ни на суше, ни на воде. «А кто, – прибавил Петрик, – захочет идти с нами для отобрания милой отчизны нашей от московской власти, тот пусть готовится к походу и пусть знает, что хан с черкесами и с частью орды сам двинется из Перекопа на немцев, а нам в помощь оставляет ясновельможного салтана Калгу со всеми ордами крымскими, черкесскими и ногайскими, которым дано уже повеление собираться в поход».

В Сече между тем произошла перемена. Гусака сменили; вместо него кошевым атаманом избран был некто Федько. При этом новом кошевом Петрик написал к запорожцам новое послание от 27 мая, извещал, что уже все орды двинулись в путь с Калгою, и приглашал кошевого с товариством встречать союзников у Каменного Затона⁵⁵, с тем чтоб утвердить по своему усмотрению постановленный им с татарами договор. 22 июня Петрик прислал третье послание к запорожцам, и притом очень пространное: в нем излагал он цель своего предприятия и надежды на его осуществление. Он вспоминал, что когда прибыл из Батурина в Сечь, то говорил уже добрым молодцам, в каком печальном состоянии находится малороссийский край, приводимый к упадку соседними монархами. «Неудивительно, – рассуждал теперь Петрик в письме своем, – что так поступает польский король: мы были когда-то его подданными, с Божиею помощью при Богдане Хмельницком отбились от подданства его власти и так много вреда ему наделали, что он до сих пор не оправится. Неудивительно, если крымский хан с нами враждует: мы из давних времен причиняли вред Крымскому государству и теперь всегда чиним. Но дивны поступки московских царей: не мечом они нас приобрели, а предки наши добровольно им поддались ради христианской веры. Переселивши с правой стороны Днепра на левую наших жителей, москали обсадили нас нашими людьми от всяких неприятелей, так что откуда бы неприятели ни пришли, – будут прежде жечь наши города и села, наших жителей забирать в полон, а Москва будет находиться от них в безопасности за нами, как за стеною. Этим не довольствуется Москва, а старается всех нас обратить в своих невольников и холопов. Сперва они гетманов наших Многогрешного и Поповича⁵⁶, которые за нас стояли, забрали в неволю, а потом и всех нас хотели поворотить в вечную неволю. Нынешнему гетману допустили они раздавать городского войска старшинам маестности, а старшины, поделившись между собой нашей братиею, позаписывали ее себе и своим детям навеки в неволю, и только что в плуг не запрягают! Москва позволяет нашим старшинам чинить подобное для того, чтоб наши люди оплошали и замужичали, а москали тем временем завладели бы Днепром, Самарою и настроили бы там своих городков! Я также вам сообщал, что король польский, недовольный московским царем за то, что не воевал Крыма, хотел сам, помирившись с ордою, идти на Москву и отобрать в свое подданство нашу Украину. А каково было бы тогда нашей Украине? Не были ли наши братья и на колях, и в водных прорубях? Не принуждали ли козацких жен спаривать кипятком детей своих, не обливали ли ляхи наших водою на морозе, не насыпали ли им в голенища горящих угольев, не отбирали ли жолнеры⁵⁷ у наших людей их достояние. Все это вы помните, и ляхи этого не забыли и разве не стали бы они того же чинить над нами снова!.. Во время моего нахождения в Сече я много советовал начальным товарищам взяться за дело и не допустить нашей милой отчизны Украины дойти до крайнего упадка. Но из ваших милостей никто не захотел постоять за своих людей; поэтому я, как уже раз покинувши отца, мать, жену, родных и немалое имущество, прибыл к вам, добрым молодцам, в Запорожье, так и теперь, призвавши на помощь Бога и Пречистую Его Матерь, христиан заступницу, принялся за дело, которое касается целостности и обороны отчизны и общей свободы: я в Кизикермене дого-

⁵⁵ Бывшая крепость на берегу Днепра, близ Сечи.

⁵⁶ Так называли Самойловича.

⁵⁷ Солдаты (польск.)

ворился о мире с беем кизикерменским Камень-мурзою, а в Перекопе хан утвердил мирные статьи, чему свидетелями были и ваши посланцы Левко Сысой с товарищами. Посылаю вам эти статьи. Прочтите их в раде: надеюсь, не найдете ничего зловредного отчизне!.. Но, может быть, кто-нибудь скажет: как нам воевать своих отцов, матерей, братьев и друзей; или, быть может, скажете: где мы сами денемся, когда опустошим свой край, кто нам даст тогда хлеба? Не дай Бог воевать свою отчизну; не хороша та птица, что собственное гнездо марает, не добрый тот пан, что собственную вотчину разоряет! Но когда захотите помогать нам и прибудете в Каменный Затон, тогда учиним совет, куда нам с ордою обращаться, так чтобы не причинять никакой беды нашим городам и селам. Не затем начали мы наше дело, чтобы воевать своих людей, а затем, чтоб освободить их и себя от хищничества москалей и панов наших. Сами вы, умные головы, рассудите и сообразите, лучше ли быть в неволе или на воле – чужим слугою или самому себе господином, – у москаля либо у ляха мужиком, или вольным козаком? Когда славной памяти Богдан Хмельницкий с войском Запорожским при помощи орды выбился из лядского подданства, разве дурно было тогда Украине? Разве не было тогда у Козаков золота, серебра и сукон дорогих, и табунов лошадей, и черед рогатого скота?.. Всего было вдоволь. А как мы стали московского царя холопами, так опустела вконец чигиринская сторона, а у перегнанных на левую сторону Днепра наших братии не только что не стало достояния, да и лаптей негде было взять! Большая часть наших братии осталась в неволе в московских городах, а других татары каждый год в полон вместо дани забирают, о чем сами вы знаете, как делалось прошлою зимою в полку Переяславском, а ранее перед тем в полку Харьковском под Змиевым и на других местах. Пусть вам, господа, будет еще и то известно, что сам гетман, с совета всех полковников, присылал ко мне секретно человека своего известить, что как только мы с ордами приблизимся к Самаре, то все они от Москвы отстанут, сойдутся с нами и станут вместе воевать Москву. Человек этот при мне, и когда, Бог даст, придем в Каменный Затон, я вам покажу его! Будьте доверчивы и ничего не опасайтесь».

Письмо это было писано в Акмечете (нынешнем Симферополе). На пути из Крыма к Каменному Затону, из урочища Черной Долины, 12 июля Петрик послал еще четвертое письмо к запорожцам, убеждая всех пристать к татарам ради освобождения малороссийского народа от московского ярма, а через несколько дней после того Петрик и Калга-салтан со своими ордынцами были уже в Каменном Затоне. 23 июля гетман через своего «дозорцу» в Переволочне получил известие, что кошевой атаман с куренными атаманами приняли от Калги-салтана дары и условились: запорожцам вместе с татарами идти на малороссийские города, производить смятение в посольстве, подстрекать мужиков к избиению арендарей и панов. Подробности, этого события мы узнаем в показании пойманного впоследствии в полон сообщника Петрикова, Кондрата. Было дело так. Прибыли к Сече Батырча-мурза и Калга-салтан; с ними был Петрик и послал в Сечь письмо, приглашая кошевого атамана и все товариство встречать его с хлебом-солью. Ему на это сперва прислали такой ответ: «Пусть встречает тебя тот, кто посылал тебя. Тогда Петрик послал сказать сечевикам: «Если меня с хлебом-солью не встретите, то я прикажу переловить всех ваших ватажных людей, которые теперь промышляют на Молочных Водах и на Берде⁵⁸, и велю отдать их в неволю татарам!» После такой угрозы собралась рада и приговорила: ради спасения ватажных людей выйти к Петрику в Каменный Затон с поклоном, но во всяком случае допроситься от него, кто его послал. Кошевым атаманом был тогда опять Гусак. Федька недавно отставили. Этот кошевой вышел с 38 куренными атаманами и с двумя тысячами войсковых товарищей. Поднесли Калге-салтану хлеб-соль. Калга был доволен и сказал запорожцам: «Петрик явился к нам в Крым от вас всех; хотя с ним не было ваших писем, но он уверял нас на словах, что вы его обнадежили». Тогда куренные атаманы обратились к Петрику и сказали: «Ты писал, как прибудешь к нам с татарами, тогда узнаем, кто посылал

⁵⁸ Обе реки – в Таврической губернии, впадают в Азовское море.

тебя, – говори же, кто посылал тебя?» «Какое дело вам до того, кто меня послал? – отвечал Петрик. — Сами увидите, что будет, когда только приступим к Полтавскому полку. Этот полк весь мне сдастся, да и Миргородский потом весь перейдет к нам. Гетмана и старшин, и панов, и арендарей – всех побьют, и настанут у нас такие вольности, какие были при Богдане Хмельником! Если мы теперь не выбьемся из-под московского ярма, так уже не выбьемся из-под него никогда». «Я учиню раду в Сече, – отвечал кошевой атаман, – и коли рада приговорит идти, тогда и я пойду!» Дали взаимное обещание: малороссияне не будут чинить «препятия» татарам, когда те пойдут назад, а татары не станут трогать запорожских ватажников, сновавших за промыслами на Молочных Водах и на Берде. Калга подарил кошевому доброго коня, а двум куренным атаманам по «чуге» (одежда).

Гусак, видимо, сочувствовал мечтаниям Петрика, но не решался открыто стать за него пред всем товариством. Оттого на раде, собравшейся на другой день после свидания с Петриком, не последовало ничего решительного. Рада, находясь под нравственным влиянием Гусака, постановила, что всему низовому сечевому войску идти в поход на Украину не следует, но кто из товарищей захочет идти с Петриком, тому не возбранять. Тут пришла от гетмана увещательная грамота к запорожцам, чтоб они не приставали к злым замыслам. Кошевой атаман поступил и здесь согласно своему двуличному характеру. Он отвечал Мазепе, что у запорожцев вовсе нет такого безумного намерения, чтобы вместе с бусурманами идти на войну против православных христиан. Но в том же письме кошевой делал замечание, что во время гетманства Мазепы совершаются дела не лучше таких, какие делались при ляхах, против которых поднялся Богдан Хмельницкий. «Стали держать подданных такие паны, которым никак не следует позволять их держать, а они заставляют бедных людей дрова возить, конюшни чистить, печи топить. Пусть бы только генеральные старшины держали подданных, это было бы еще не так обидно, а то держат такие, которых отцы не держали подданных никогда. Могли бы эти люди, как и отцы их, питаться своим трудовым хлебом». Повторяя точно такие жалобы, какие заявлял в своих писаниях Петрик, кошевой Гусак уже тем самым, при всех своих уверениях в непричастности к мятежным замыслам Петрика, показывал, что относится к его делу не без сочувствия.

Когда рада порешила, что охотники могут идти к Петрику, тотчас набралось таких охотников до пятисот. Василь Бузский, приятель Петрика, избран был ими полковником и просил дать ему войсковые клейноты, т. е. знаки наказного начальнического достоинства, но кошевой атаман и старшины не дали их ему, чтобы не казалось, будто они отправлены от всего запорожского низового войска. Кошевой хотел, чтоб их отпустили только на том основании, что в Сече с давних пор никого силою не удерживают, но это не значило бы, что все товариство признает их затею добрым делом. Охотники самовольно пошли в Каменный Затон и там тотчас собрались в раду и провозгласили Петрика гетманом, а Калга-салтан вручил ему войсковые клейноты: булаву, бунчук и хоругвь. Таким образом Петрик копировал из себя Богдана Хмельницкого, которого первый раз провозгласили гетманом запорожцы, а также напоминал собою Суховеенку и Дорошенку, которые первые знаки гетманского достоинства получили от татар. Петрик, считая себя уже гетманом, нарек трех полковников (Василия Бузского, Кондрата и Сыся) и шесть сотников, потом послал к ватажникам на Молочные Воды и на Берду созывать их вместе с собою на войну против москалей для достижения вольностей; при этом он грозил их отдать татарам в неволю, если они его не послушают. Сам Петрик с Калгою-салтаном отступил от Сечи и на речке Татарке собрал раду, чтоб обсудить, куда им сначала идти. Порешили прежде подчинить самарские городки, а между тем послать в Полтавский полк к цариченским и Китайгородским жителям воззвания, приглашающие сдаться и показать пример другим. 29 июля с Самары Петрик распустил такой универсал ко всему народу малороссийскому: «Всему товариству и посполитым обывателям доброго от Бога здоровья и благополучия. Зная, что Войско Запорожское пребывает в угнетении, ведая о ваших несносных страданиях и желая

избавить вас от тиранства Москвы и немилостивых ваших панов, я обратился к Крымскому государству, для чего ездил в Крым и возвратился оттуда с ордою. У Каменного Затона близ Сечи все Войско Запорожское с кошевым атаманом и куренными атаманами на войсковой раде утвердило обоюдную присягою мир, постановленный с Крымским государством, а на другой раде по Божией воле избрало меня гетманом и повелело мне с ордами и с Войском Запорожским идти на оборону вашу против Москвы. Ныне двинувшись из Каменного Затона и совокупившись как с тем войском, которое было на Молочных Водах, так и со всеми ордами, находившимися при Калге-салтане, мы пришли к Самаре, о чем вас всех извещаем настоящим нашим листом. Доверьтесь мне и, устроив между собою надлежащий порядок, высылайте к его милости салтану и к нам. Войску Запорожскому, свою старшину и сами с нами готовьтесь в этот военный путь против неприятеля своего, москаля, дабы с Божией помощью скинуть невольническое ярмо с вольных ваших козацких хребтов. Ведайте, что эта война против москаля началась не ради чего иного, как для ваших вольностей и общего народного блага. Сами знаете, что с вами делают москали и ваши хищные паны и что вам вытворяется от арендарей: объездили вам тираны шеи, поотбирали себе пожитки ваши. Станьте же дружно за вольности свои. Если теперь поможет Господь Бог отбиться из-под ярма московского, тогда устроите у себя такой порядок, какой сами захотите, и станете пользоваться такою вольностью, какую пользовались предки ваши при Богдане Хмельницком. Войско Запорожское утвердило мир с Крымским государством на таких условиях, чтоб тогобочная⁵⁹ чигиринская сторона Днепра была нам возвращена в тех пределах, в каких Хмельницкий с ордами завоевал ее от ляхов, а другая сегобочная⁶⁰ сторона при нас оставалась бы со всеми полками и городами. Вольно будет всякому отправлять рыбные, соляные и звериные промыслы по Днепру, Бугу и другим речкам без всякой платы. Выбившись из настоящего подданства, каждый, коли захочет, может идти в свою отчизну, где прежде проживал, и не будет по этому поводу никому тревоги и опасности. Государство Крымское дало нам присягу всегда оборонять нас от Москвы, от ляхов и от всех неприятелей. Если вы теперь не приметесь за свои вольности, то знайте, что потеряете их навсегда и останетесь вечно московскими невольниками, и никто уже после за вас не заступится».

Петрик, очевидно, разыгрывал из себя Богдана Хмельницкого; но времена, когда Богдан Хмельницкий мог совершать свои великие дела, прошли невозвратно. Везде и во всем подражание бывает хуже оригинала, и события, искусственно повторяемые не вовремя, представляют собою что-то комическое. Петрик в малороссийской истории явился таким типом, каким был Дон-Кихот в истории человеческого поэтического творчества.

Мазепе известны были шаг за шагом поступки Петрика; гетман послал в Москву просить, чтоб указано было воеводам Борису Петровичу Шереметеву и князю Борятинскому соединиться с полками гетманского регимента. В конце июля Мазепа выслал вперед четыре городовых полка – Прилуцкий, Миргородский, Лубенский, Нежинский и с ними охотный конный полк Пашковского, а сам с пятью охотными полками стал под Гадячем и ожидал прибытия к себе, с одной стороны, великорусских воевод, а с другой – выборных отрядов из полков: Киевского, Черниговского и Стародубского. Стоя под Гадячем, гетман распустил 28 июля универсал ко всему малороссийскому народу, служивший как бы опровержением возмутительных воззваний Петрика. В нем гетман вспоминал о прежних усобицах, о бедствиях и разорениях, постигших от них край, убеждал пребывать в верности царям и в послушании гетману, угрожал вдобавок карою тем, которые прельстились бы и поддались обманщику, «загибельному сыну Петрику».

⁵⁹ Имеется в виду Левобережная Украина.

⁶⁰ Имеется в виду Правобережная Украина.

Гетман скорее дождался своих полков, чем великороссийских вспомогательных ратных сил. Шереметев не доходил еще до места, где ему надлежало сойтись с козаками, а князь Борятинский, как носились слухи, был где-то далеко за Путивлем. Гетман не стал долее их ждать и двинулся к Полтаве.

Высланные вперед полковники прислали к гетману известие, что жители Цариченки, Китай-городка⁶¹ и других орельских городков поддаются мятежу, поверивши «прелестным» письмам возмутителя. Этого было мало. До гетмана доходил слух, что огонь мятежа распространяется вдоль правого берега Ворсклы:

жители кишенские и сокольские начинают «малодушествовать», готовы сдать татарам и признать власть Петрика. Везде по пути, по которому шел гетман, слышались от «легкомысленных людей дерзкие речи». В обозе самого гетмана стрельцы доносили, что какой-то пьяный козак, помахивая саблей, кричал: «Станем рубить москалей!». Можно было опасаться, что мятежник действительно угадал народное желание. Гетман еще раз послал гонца к Шереметеву с просьбою спешить на выручку малороссийского края и в то же время отправил к четырем высланным вперед полковникам приказание идти против неприятеля на вспоможение жителям городков: Маячки⁶² и Нехворощи⁶³, которые еще не поддались мятежнику, но могли поддаться, если к ним в пору не явится выручка. Нелегким казалось для этих полковников такое поручение, так как они не знали наверное татарской силы и опасались встретить ее в размере, превосходящем их собственные силы. Гетман ободрял их скорым подкреплением после прибытия Шереметева.

Августа 5-го полковники со своими полками, которые были расположены вдоль берега Ворсклы, двинулись к реке Орели и приблизились к Маячке. Под этим городком стоял уже Петрик с ордою.

Вот как Петрик туда добрался. Разославши с берегов Самары свои возмутительные универсалы, он прежде всего хотел подчинить себе Новобогородск. Но его «прелестные» письма, туда посланные, не имели никакого успеха, потому что в этом недавно еще основанном городе большинство жителей состояло из великороссиян. Запорожцы с Петриком попытались было ночью ворваться в посад, но, пораженные пальбою из замка, ушли, а один из новопожалованных Петриком полковников, Кондрат, попался в плен. Утром после того Петрик с запорожцами и Калга-салтан с татарами направили путь к Украине. На дороге прибыли к Петрику посланцы из городков Цариченки и Китай-городка с хлебом-солью, изъявляли от имени всех жителей покорность и охоту содействовать освобождению Украины от московской власти. Все, казалось Петрику, шло удачно. Он оставил обоз неподалеку от Китай-городка и вместе с Калгою-салтаном двинулся налегке к Маячке. Туда было уже послано заранее «прелестное» письмо, как и в другие городки, но из Маячки никто не приходил к Петрику с хлебом-солью. Приближаясь к Маячке, у речки, носившей то же имя, встретили они ватагу украинцев, которые ходили на промыслы к Молочным Водам и к Берде, а теперь возвращались домой. Петрик стал уговаривать их пристать к нему и вместе с ними идти на москалей, чтоб освободить весь народ малороссийский от московского ярма. Многие ватажники сразу догадались, что перед ними какая-то шайка бездельников: хотя они себя и называли запорожцами, но это казалось сомнительным, так как с ними не было ни кошевого, ни запорожских старшин. Некоторые из ватажников, однако, наружно согласились пристать к Петрику, и таких набралось около полторы тысячи; другие же наотрез отказались и ушли на остров, где грозили обороняться, если их станут принуждать. Тогда приставшие к мятежнику просили дозволения взять и привезти свои оставлен-

⁶¹ Оба – местечки Кобылякского уеза при р. Орели.

⁶² Местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

⁶³ Местечко Константиноградского уезда при р. Орели.

ные возы, а когда получили позволения, то убежали тотчас к товарищам на остров. Некоторые оставались еще при Петрике, но, дождавшись ночи, также все от него убежали.

Таким образом, не успев Петрик увеличить своей силы ватажниками и, оставаясь с одними татарами да с кружком запорожцев, подступил к городку Маячке. Он послал туда еще одно «прелестное» письмо. На это письмо жители ответили положительным отказом: к городку приближались высланные гетманом полковники.

Как только татары увидали вдали гетманские полки, на них сразу нашел переполох. До них доходили вести, что в порубежных местах расставлены московские силы, а сзади все белгородские рати готовы против них к походу. Татары поспешно отступили к своему табору, оставленному под Китай-городком. Тут прибежал к Петрику какой-то козак и говорил, что отправлен от полтавского полковника Павла Герцика, стоявшего у городка Кобыляк. Он убеждал Петрика спешить к Полтаве, уверяя, что и полтавский полковник и весь Полтавский полк пристанут к Петрику, потому что все ненавидят москалей.

Сказанное козакам о Полтавском полке была ложь. Напротив, когда возмутительный универсал Петрика дошел в Полтаву, там был уже гетман и приказал послать к мятежнику написанный в гетманской канцелярии ответ от имени всего Полтавского полка в самом презрительном тоне. «Как смеешь ты гетманом именоваться? – было сказано в этом ответе. – Все мы, и старшие и меньшие, удивляемся твоему безумству: кто тебя, щенка такого, поставил начальником и опекуном над нами? С чего ты это убиваешься и заботишься о нашем житии? Мы знаем, что твой батько был нищий и жил у нас в Полтаве в богадельне, а ты, будучи в школе, валялся между нищими на улице и под окнами нашими выкормился объедками. Ты не только не был в рыцарских упражнениях, но и в домовых науках, а потом хоть и втерся в войсковую канцелярию, но там, обокравши товарищей и изменивши своему пану, убежал на Запорожье! Мы тому не верим, будто к тебе прибыл Калга-салтан; не надеемся, чтоб такая важная особа последовала за тобою, лгуном и щенком! Верно, цыган какой-нибудь собрал тысячную толпу оборвышей из татар и назвался салтаном!»

Письмо это показывает взгляд, образовавшийся тогда у малороссийских старшин по отношению к тем, которых они могли унижать за их простое происхождение. Письмо это, вероятно, принес Петрику тот козак, который выдавал себя посланным от Герцика, а, может быть, Петрик сам выдумал и сообщил Калге о такой присылке от Герцика; действительно же полученного письма, конечно, не показал салтану и убеждал последнего идти далее к Полтаве. Но Калга-салтан был в таком расположении, что, вместо похода далее в Украину, собрался со своею ордою отступать в Крым. К нему пришла весть, что в Крыму готовится переворот: мурзы недовольны ханом, хотят избрать другого, большинство вновь желает некогда бывшего в Крыму ханом Селим-Гирея и уже послали в Константинополь просить падишаха о его назначении.

Когда Петрик с Калгою ходили к Маячке, оставленные в лагере близ Китай-городка татары, по своему обычаю, стали расходиться небольшими загонами и ловить пленников с тем, чтобы гнать их в Крым. Петрик, по возвращении из-под Маячки, не без труда упросил Калгу отпустить на волю малороссиюн, забранных татарами. Было бы чудесно, если бы после всех льстивых обещаний татарской дружбы, на которые был так щедр Петрик в своих универсалах, татары на первых же порах показали малороссиянам свою дружбу таким способом.

Первый поход Петрика до крайности уронил его в глазах народа: без того, может быть, нашлось бы более готовых увлечься его горячими возбуждениями. Да и татары неохотно шли с ним и теперь не слушали его убеждений. И пришлось ему ворочаться вспять за своими союзниками, а когда на возвратном пути достиг он до речки Татарки, то несколько сот запорожцев, приставших к нему в Каменном Затоне, ушли от него в Сечь: осталось их с ним человек восемьдесят самых забубенных. С ними Петрик следовал за Калгою-салтаном до Перекопа. Калга уехал в Крым, а Петрик, со своею купою удалыцов, простоял под Перекопом в ханских окопах

около трех месяцев. Из Перекопа выдавалось его козакам поденно пшено и по несколько баранов для прокормления. Здесь посещали его малороссийские торговцы из Полтавского полка; он их принимал ласково, играя из себя роль гетмана, угощал горелкою и уверял, что скоро придет в Украину с татарскими вспомогательными силами. «Не добро вам с Москвою, – говорил он. – Я к чему намерился, то нонче исполню. Выгоню Москву, всех вас освобожу из московской неволи; станут люди из московских слобод переходить опять на чигиринскую сторону на прежнее жилье». Все ездившие в Крым за солью чумаки отдавали ему поклон, как батьку козацкому, потому что только по его ходатайству хан позволял им ездить в свои владения для соляных промыслов, тогда как вообще малороссиянам, подданным царя московского, это не дозволялось, по поводу неприязненных отношений Крымского юрта к Московской державе.

В последних числах сентября или в первых октября Козаков, состоявших около Петрика, развели из ханского окопа под Перекопом по разным татарским селениям, а сам Петрик с шестнадцатью товарищами поехал в Бахчисарай ожидать и встречать нового хана. Этот хан приехал из Турции в декабре после Николина дня. Петрик явился к нему с поклоном и представил фальшивые письма, писанные будто бы от гетмана и Кочубея к прежнему хану: в этих письмах заключалась просьба оказать козакам помощь, чтоб освободить Украину от московской власти и перевести поселенных в слободских полках малороссиян на прежние места их жительства, в Чигиринщину. Хан Селим-Гирей и прежде был неумолимый враг Москвы, а теперь принял ласково Петрика уже только единственно потому, что этот человек явился врагом Москвы. Не знаем, в какой степени не сомневались в Крыму в подлинности привезенных им писем гетмана и Кочубея, но достаточно было, что они приглашали крымцев к походу, – и хан дал тотчас приказание татарам кормить лошадей и быть готовыми к походу.

После быстрого отступления Калги-салтана и Петрика полковники, высланные гетманом, бросились было в погоню за уходившими, но не догнали, потому что, ввиду погони, отступление стало совершенным бегством.

Гетман Мазепа распустил свое войско; с врагом ему не удалось биться, однако оно пробыло в трудах и лишениях военного похода целых 12 недель, а Полтавского полка козаки – осьмнадцать. Успех над мятежом был приобретен чрезвычайно скоро и легко, но гетман удостоился от московского правительства похвал и подарков как бы за очень важный подвиг. Таким это дело и должно было показаться издали, если судить о нем по тем замыслам, с какими пускался возмутитель на свое предприятие. Стольник Тараканов привез гетману и старшинам милостивое слово великих государей и подарки. Он представился гетману в стане, устроенном в Бадакве⁶⁴ на Артополоте. Там гетманский табор был устроен наподобие города, с воротами, от которых шли улицы, составленные из шатров, до гетманского шатра. Гетманская пехота уставлена была по всему пути, по которому шел царский посол. Пехота играла на трубах, била в литавры. Царский посол поднес гетману с царскою похвальною грамотою подарок – кафтан «откровенным видом, с распростертыми полами», а старшинам присланы были соболи и материи, называемые «байбереки».

В конце 1692 года произошла суровая расправа с теми, которые во время прихода Петрика присылали к нему с хлебом-солью и признали его гетманом. Такая участь постигла двух сотников: цариченского и Китайгородского. Войскою суд присудил их к смертной казни, которая должна была исполниться на месте их преступления. Но Китайгородские жители испросили помилование своему сотнику, представляя, что зачинщиком измены был не он, а священники, подававшие совет сдать город. На этом основании присудили Китайгородскому сотнику и его сообщникам учинить такую казнь: положить им головы на плахи, потом, снявши с плах, объявить, что по прошению царицы Натальи Кирилловны смертная казнь заменяется

⁶⁴ Ныне село Лохвицкого уезда при р. Суде.

для них наказанием кнутом и ссылкой в дальние сибирские города. Этот приговор был исполнен 2 ноября. Цариченскому сотнику отрубили голову в Полтаве 2 декабря.

Петрик, убежавший от рубежей Гетманщины, прислал в Сечь письмо в таком смысле: «Не сомневайтесь. Делу сему конца еще нет. Что мы начали, то и совершим». Но в Сече уже очень мало нашлось у него сторонников. Гусак теперь уже не мирволил Петрику, стал обращаться грубо с его сторонниками и грозил им наказаниями. Но тут поднялась смута. Гусака обвинили в том, что он брал дары от татар, приходивших с Петриком. Его принудили положить свою «комышину». С ним разом сменили всех других сечевых старшин и выбрали новых. Кошевым атаманом выбран был Василь Кузьменко. Это не обошлось без междоусобий: поднимались курени на курени, сечевую церковь забросали поленьями, купецких людей пограбили.

Для удержания Запорожья в спокойствии гетман находил, что следует в Каменном Затоне построить крепость и там держать постоянно гарнизон с орудиями. Нельзя было не обратить внимания, что Запорожье было опасно для Гетманщины главным образом оттого, что там скоплялись недовольные порядком в Украине и друг друга подстрекали на отважные мятежнические затеи. Надобно было исправить причины народного недовольства. По вопросу о маетностях старшин и войсковых товарищей полагалось возможным успокоить народные жалобы на утеснения тем, что гетман издал универсал, в котором давал наставление владельцам не отягощать своих подданных в землях, лесах, сенокосах и во всяких угодьях под опасением отобрания маетностей. Но и это делалось только на случай возможности отягощения. Угрожая в своем универсале владельцам маетностей карою за отягощение подданных, гетман сообщал в приказ, что от особ, владеющих маетностями, как от генеральных старшин и полковников «люди в подданстве будучие отягощения и бремени неудобоносимого не терпели». Относительно аренд, возбуждавших также всеобщее недовольство народа, гетман до поры до времени ограничился универсалом, дозволявшим на крестины и на свадьбы курить вино для своего домашнего обихода и покупать дешевою ценою вино бочками: собственно, это и прежде дозволялось, но с таким ограничением, чтобы покупаемая бочка заключала не менее пятидесяти кварт. Теперь же дозволялось покупать гораздо меньше – в десять кварт, и притом без явки арендарям и их шафарям⁶⁵, объявляя единственно местным полковым старшинам. Самых арендарей обязали продавать враздробь кварту не дороже двух копеек. Это издавалось только как временно облегчительные меры, – предполагалось скоро уничтожить аренды вовсе.

Неугомонный Петрик в Крыму старался расположить нового хана и представил какое-то письмо, полученное будто бы от полтавского полковника. В этом письме уверяли, что как только он явится с татарами, то весь Полтавский полк ему сдастся. Крымские мурзы убеждали хана Селим-Гирея верить Петрику и сообщали, что им подлинно известно, как малороссияне не терпят москалей и готовы принять татар как избавителей. Бывшие в Крыму невольники-греки, напротив, уговаривали Петрика не пускаться снова в это дело и не отдавать на расхищение мусульманам своих единоверцев. Петрик на это им отвечал: «Я стою за посполи-тый народ, за самых бедных и простых людей. Богдан Хмельницкий избавил народ малороссийский из неволи лядской, а я хочу избавить его от новой неволи москалей и своих панов».

11 января 1693 года хан Селим-Гирей отправил в поход зятя своего Нуреддина-салтана и сына Ширин-бея с ордами, а с ними выступил и Петрик с кучкою своих воровских Козаков. Прежде всего хан Селим-Гирей приказывал им идти к Сече и попытаться подвигнуть сечевиков идти в малороссийские города. Если малороссийские города не станут сдаваться, то хан не приказывал их разорять. Сам хан обещал весною идти с ордами на великороссийские города и слободы. 16 января Нуреддин-салтан и Петрик отправили в Сечь воззвание, убеждавшее пристать к ним. Петрик извещал запорожцев, что он прошлое лето не мог довести своего предприятия до конца оттого, что татары его покинули, а теперь новый хан Селим-Гирей в совете со

⁶⁵ Здесь – агентам.

всем своим государством постановил помогать малороссиянам, чтоб вырвать их из-под московского подданства. «Не прельщайтесь, братья, – выражался он, – что московские цари шлют вам червонные золотые: все это Москва делает оттого, что видит волка в лесу, а как Москва помирится с Крымом, то часть нашей Украины орде отдаст, а другую заберет себе в вечную неволю. У нас правдиво говорится: за кого крымский хан, тот и будет пан!.. Не привязывайтесь к этой Москве, как рыба-судак к неводу, что ее еще не затягивают неводом, а она уже к нити прилегает и тащит ее рыболов туда, куда уже прежде других рыб затащил. Так и вы добровольно привязались к Москве, а она с вами то же учинит, что уже прежде учинила с теми, которых раньше вас под свою власть взяла».

На это воззвание запорожцы послали Петрику ответ, составленный сечевым писарем Созонтом Грибовским. Запорожцы выражались, что, усматривая близость конца миру, они считают приличным вести себя так, как учит церковь – царей почитать и панов слушаться. «Предавшись отчаянию и забыв создавшего и искупившего тебя своею кровью Бога, – писали они, – ты отдался бездонному аду с душою и с телом. Желаем тебе там беседовать на вечные времена! От крымского хана ты получил клей-ноты; иди же себе с ними куда хочешь, только от нас убирайся подальше. Без нашего ведома ты ушел в Крым, без нас теперь и поход свой совершай, а нам больше не докучай!»

Нуреддину отвечали запорожцы, что, согласно с договором, заключенным прошлый год с бывшим Калгою-салтаном в Каменном Затоне, они желают безопасно от татар промышлять звериными, соляными и рыбными добычами, но отрекаются от военного похода на Московское государство. Нуреддин после этого послал им еще одно письмо в таких выражениях: «Нам не надобно такого мира, какого хотите вы, и от нынешнего часа вам от нас не будет покоя! Если же опомнитесь, то пусть ваш кошевой атаман сам приезжает к нам для разговора, либо вместо себя знатных особ присылает». На это запорожцы уже не послали письменного ответа, а словесно передали: «Мы ко псу Петрику больше писать не станем и выходить к вам из Сечи не будем».

Запорожская Сечь показала татарам, что Петрику на нее нечего полагаться, но Петрик уверял Нуреддина и мурз, что в Гетманщине встретят их не так, как в Запорожье. «Все города малороссийские, – говорил Петрик, – признают меня гетманом и тогда останется разослать татар загонами в великороссийские украинные города и в малороссийские слободские полки, чтобы вывозить оттуда малороссию на правую сторону Днепра». Петрика особенно занимала мысль вновь населить Правобережную Украину, и такая мысль нравилась бусурманам, потому что малороссияне, перешедши на правую сторону Днепра, очутились бы под турецким господством. Петрик писал письма в Чигирин и в Корсун, добиваясь, чтобы тамошние жители заранее признали его гетманом. Несмотря на грубый отказ всего запорожского коша, в Сече нашлось-таки несколько забулдыг, которые тогда пристали к Петрику.

Татары с Петриком двинулись в Украину к Переволочне⁶⁶. Они намеревались напасть на этот городок ночью, но какой-то холопец, пойманный татарами, ушел из их рук, просидел некоторое время закопавшись в снегу, потом вылез, прибежал в Переволочну и дал в пору знать о подходящем неприятеле. 15 января в полночь явился Петрик с татарами. Он уверял Нуреддина, что переволоченский сотник явится к нему с хлебом-солью. Вышло не так. «Наши, – говорит современное донесение, – весело поиграли с татарами; не без того, что и наших двух-трех они изрубили, зато мы их отбили знатно, и чернь косами татар рубала». Татары нахватали под Переволочною у жителей скота и овец, но салтан рассердился за это, велел перебить у грабителей лошадей и самих чуть не побил. Нужно было показать малороссиянам, что татары идут к ним как союзники и избавители, а не как наездники.

Тогда Петрик стал уверять Нуреддина, что если Переволочна не сдастся, то другой пограничный городок Кишенка непременно сдастся. Петрик встретил кишенцев, ездивших в степь

⁶⁶ Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Днепре близ устья Ворсклы.

за сеном, и навязал им «прелестное» письмо, обращенное ко всему товариству и к посполитым людям города Кишенки. «Прошлого лета, – писал он, – приходили мы с ордою за тем, чтоб освободить вас всех от московского ярма, но не могли тогда окончить нашего дела. Теперь, слыша, что москали и ваши паны чинят вам великие тягости, вышли мы опять вам помогать и хотим, чтоб вы в такой вольности жили на обоих берегах Днепра, как ваши предки живали при Богдане Хмельницком. Высылайте к нам своих духовных и старшин городовых; учиним соглашение и пусть товариство ваше, кто захочет, идет с нами на войну тотчас, а вам никакого убытка не будет и волос не спадет у вас с головы. Если же вы послушаетесь чьего-нибудь непристойного совета, то знайте, что это вам даром не пройдет».

Подошедши к Кишенке⁶⁷, татары расположились в «подворках» (предместьи); Кишенка не высылала на поклон духовных и старшин. Напрасно прежде хвастал Петрик перед Нуредином, будто у него в Кишенке есть приятели: они не отзывались. Петрик еще раз послал в Кишенку письмо, приглашал охотников идти с ним воевать Москву, уверяя, будто Переволочна сдалась ему. «Ступайте себе далее в Полтавщину, – отвечали кишенцы, – а мы тем временем подумаем да посоветуемся».

Тогда Петрик утешал своих союзников, что когда они подойдут к Полтаве, то дело изменится, потому что полтавский полковник с ним в соумышлении. Они зажгли подворки, где стояли, и с наступлением ночи пошли к Полтаве.

Татары расположились в окрестностях Полтавы вплоть до Старого Санжарова⁶⁸. Часть их разошлась с загонами, разорила два села и наловила в полон множество жителей, говорят, тысяч до двух. Петрик послал в Полтаву с «прелестным» письмом какого-то монаха Гервасия. «Полтавцы! – писал он, – крымские войска пришли освободить вас от московского ярма. а порубежные городки ваши не соизволили на то, чтоб им и вам добро было. За это крымские войска пошли на ваших войной. Но его милость салтан вам дает знать: если хотите жить с крымцами в братерстве, присылайте к нему для соглашения своих старшин, к салтан прикажет воротить весь ясырь⁶⁹, сколько его взято, и скотину. При этом Петрик послал в Полтаву несколько малороссийских невольников, освобожденных из Крыма.

Но тут до Нуреддина и до Петрика дошла весть, что великороссийская и гетманские ратные силы приближаются. Гетман, следивший за движениями крымцев и Петрика, еще в декабре 1692 года дал знать в Москву. Последовал царский указ: Шереметеву с двадцатью тысячами конницы и столько же пехоты идти к рубежам украинским, а товарищу его, князю Борятинскому, стоять поблизости позади – «на страх непостоянным людям». В самарских городах поставлено было до двух тысяч Козаков из слободских полков с отрядом из великороссийских ратных сил. Полтавский полковник вовсе не шел на соединение с Петриком, напротив, собрал против него три сотни своего полка. Страх встретиться с многочисленными противными военными силами и явное нежелание малороссийских жителей поддаваться Петрику побудили татар к немедленному отступлению. Они угнали с собою множество ясыря, «о когда дошли до реки Бальчика, Петрик упросил Нуреддина отпустить пленников на волю, дабы малороссияне и теперь могли поверить, что татары им друзья. По одному известию, число татар в этом походе простиралось до тридцати тысяч, а с Петриком малороссиян было до четырехсот человек; по другому – татар было только до десяти тысяч, а приставших к Петрику малороссиян всего 80 человек.

Как бы то ни было, второе покушение Петрика потерпело такую же неудачу, как и первое. Народ ни на волос не обольстился его воззваниями, не показал желания пожертвовать жизнью и достоянием ради освобождения от московской власти, не усматривал в Петрике нового

⁶⁷ Большое местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

⁶⁸ Местечко Полтавского уезда в 23 верстах от Полтавы.

⁶⁹ Пленных.

Хмельницкого, и Мазепа, казалось, имел право уверять московское правительство, что все взводимое Петриком и подобными ему зложелателями об утеснениях народу есть ложь, – в Малороссии все, старшие и меньшие, живут счастливо, в изобилии и довольстве, никто никого не насилует, никто ни от кого не терпит.

Гетман хотя и на этот раз вовсе не участвовал в отогнании татар с Петриком, однако доносил в Москву, что он поступал не так, как прежние гетманы, которые только высылали против неприятелей своих полковников, а сами уклонялись от личного участия в битвах; он же, напротив, как только услышал, что идет Петрик в Украину с татарами, тотчас выступил к Лубнам, расставил вдоль Днепра несколько городовых и охотных полков, чтобы не допустить татар, пользуясь морозами, перебраться через Днепр по льду: оттого-то неприятель, как увидел, что в этой стороне все готовы к отпору против него, обратился на Полтавский полк, но услыша, что и там готовы отражать его, скоро бежал оттуда «сломя голову, к своим поганским жилищам».

Немаловажною причиной неудачи Петрика было то, что запорожцы не пристали к нему всем своим кошем. После бегства Петрика гетман посылал в Сечу войскового товарища Трощинского с похвалою запорожцам и с иконостасом в сечевую церковь. Но этот гетманский посол наслушался тогда в Сече «речей невежливых и ко вредительству належащих». Сердились запорожцы на гетмана, услышавши, что он советовал строить крепость у Каменного Затона, толковали, что им выгоднее быть в мире с бусурманами, потому что с соляной и рыбной добычи «они были и сыты, и пьяны, а царского жалованья им дается мало»; некоторые же прямо отзывались: «Пусть нам хан даст плату и лошадей, так мы будем на услугах Крымскому государству». Сам кошевой Кузьменко писал к гетману грамоту, в которой уверял, что если запорожцы и заключат мир с бусурманами, то такой мир не повредит гетманскому регименту. Но в той же грамоте кошевой своей рукой приписал: «Если что здесь противного вашей милости написано, то простите мне, дураку. Я пишу по войсковому приказу, и коли б яким способом дознались, что я вам иное написал, то убили бы мене в раде».

Вслед за тем весною 1693 года хан прислал в Сечь турка обновить примирение, поставленное запорожцами у Каменного Затона. Беспокойные головы взяли верх; ханский посол был встречен с почетом; всех куреней атаманы произнесли присягу хранить мир с ханом и его государством и послали в Крым своих послов для утверждения мирного договора. Петрик между тем в Крыму не переставал возбуждать хана ложными вымыслами и уверять, что малороссийское посольство только того и ждет, чтобы пришел хан с ордою: вся чернь поднимется на старшин и на гетмана и по всем полкам начнется расправа с панами и арендарями. Обо всем этом тотчас узнал гетман и, сообщив в Москву, разослал универсалы, чтобы все полки были снова в готовности отражать внезапное вторжение крымцев.

Два неудачных покушения Петрика показывали, что малороссияне не поддаются возбуждениям против московской власти, гетмана, панов и арендарей, но тем не менее все-таки на виду стояла необходимость устранять по возможности причины, которыми возбуждали в народе неудовольствие. Дело об арендах прошлого года осталось неоконченным. В Светлое Воскресенье 1693 года гетман созвал в Батурине из всех полков козацких старшин, значных войсковых товарищей и некоторых мещан на совет об арендах. Немало оказалось таких, что стояли за аренды. «Никому оне не вредят, – говорили такие господа, – разве только шинкарям, а в городах значительные от аренд оказываются пожитки и не только удовлетворяются текущая потребности, но еще по тысяче и по две тысячи золотых кладется на сбережение». Но раздавалось более голосов, доказывавших, что аренды надобно «отставить совершенно», потому что они стали народу ненавистны и через них подается беспокойным людям повод к пререканиям; чумаки ходят за солью и рыбою в Сечь и своими рассказами о тягостях народу от аренд волнуют запорожцев, а те всегда рады придраться к чему-нибудь, лишь бы мутить. Подавали совет вместо аренд собирать на всякие войсковые расходы налог с тех людей, которые держат шинки

или курят вино в своих винницах и продают по ярмаркам. Положили, в виде опыта, установить на год такой порядок, а по окончании срока полковые старшины и все уряды должны представить ведомости, из которых можно будет сообразить, достаточно ли будет собираться в скарб войсковой от такого способа винной продажи.

В Сече между тем шло большое колебание. В июне сменили Кузьменка, кошевым стал Гусак и писал к гетману, что надобно объявить запорожцам большой поход под Кизикермень, и запорожцы, в надежде получить себе в море проход Днепром, не будут в мире с бусурманами. Но в июле запорожцы начали кричать, что следует быть в мире и в союзе с крымцами; Гусак противился; буяны взяли верх, низложили Гусака и «накрыли шапками» Семена Рубана, куренного атамана Полтавского куреня, а к гетману послали ругательное письмо, в котором говорили, что он не отец, а вотчим Украине. Гетман в ответе своем обличал запорожцев, что сами они достойны называться пасынками, а не детьми Украины, за то, что поступают так, как им взбредет в голову, а не так, как велит монарший указ. Запорожцы, при гетманском после, подняли против гетмана крик, ругань; доставалось тогда и высшему правительству.

В это время гетман писал в Москву, что было бы полезно поднять запорожцев на бусурман и подвинуть, вообще, Козаков на войну с Турцией. «В малороссийском посполитом народе много таких, что смятения желают; нищим и убогим хочется на счет богатых добывать себе состояние; однокровные с запорожцами по природе, они всегда смотрят на запорожские поступки как на образец для себя, больше чем на стройные порядки в городах, и какое бы зло от запорожцев ни вщалося⁷⁰, они готовы, по своему безумию, к ним пристать. Есть такие, что и землями владеют, и в дворах своих живут, но не умеют оправлять своих домов и прилично им жить хозяевами, и они, как только заслышат, что в чужой земле нуждаются в людях для службы, так и готовы идти. От прежних гетманов и от меня полковникам и порубежным сторожникам бывали приказы не выпускать их, да никакими способами усмотреть за ними невозможно, и если бы, избави Бог, началась война против Российской державы, то неприятели нашими людьми, к ним бегающими, воевали бы Украину. Если же от нас начнутся твориться военные промыслы, тогда бы все охотники к войне пошли туда и не бегали бы за рубеж на чужие зазывы, не поднимали бы и домашних смут». На такая представления гетмана московское правительство отвечало, что для военных действий надобно ждать удобного времени, о чем будет в свое время указ, а до тех пор гетман должен действовать по своему усмотрению, применяясь к прежним указам, и всеми силами стараться, чтобы запорожцы не вступали в союз с бусурманами и оставались послушными царям.

Во все время от половины лета 1693 до 1695 года военные действия ограничились частными посылками отрядов и стычками их с татарскими загонами. Июня 27-го 1693 года за Смелою правобережные полковники Палей и Абазын разбили орду, а октября 27-го того же года, соединясь с Палеем и Абазыным, полковники – переяславский Мирович и конноохотный Пашковский – одержали над татарами победу при реке Кодыме. В начале 1694 года Петрик из Крыма стал опять присылать в Сечь воззвания, обещая явиться с ордами для отобрания от московской власти милой отчизны Украины. Между сечевиками опять поднялось смятение, опять запели старую песню об утеснениях, чинимых народу панами и арендарями. Это смятение разносили приезжавшие в Сечу малороссийские ватажане, ездившие ватагами под предлогом разных промыслов. «Это такие люди, – писали из Сечи гетману, – что живучи в Украине не смеют языка распускать, а как только заберутся в Сечь, откуда у них плодятся речи и рассказы, возбуждающие к бунтам! Иной мелет спьяна, а иной хоть не пьет, дьявольский сын, да без пьянства горечью дышит, собака, и не токмо что на гетмана и на панов, но и на самых монархов с желчью слова говорит!» Сам кошевой атаман Рубан колебался. Но в июле его отрешили и избрали кошевым атаманом другого, по прозвищу Шарпила. Тогда запорожцы

⁷⁰ Здесь – ни возникло, ни началось.

стали решительно врагами татар, и ватага их в 400 человек ворвалась в крымские поселения, взяла в плен до двухсот татар и освободила около сотни русских полоняников обоего пола. Потом, под начальством того же Шарпила, запорожцы на урочище Чингар разгромили татарский городок и тем побудили салтана Нуреддина, шедшего с ордою на Слободскую Украину, вернуться назад. В сентябре 1694 года гетман отправил за Днепр в «дикие поля» отряд из нескольких полков городовых и охотных под наказным гетманством черниговского полковника Лизогуба. Соединившись с Палеем, они ходили к устью Днестра, овладели татарскою крепостью Паланкою и воротились с добычей и двумястами пленных. За это от царя прислан был гетману золотной кафтан и порядочное количество материй и соболиных мехов, а Лизогубу и бывшим с ним в походе полковникам прислано также соразмерное вознаграждение. Участвовавший в этих походах запорожский кошевой Шарпила бился с татарами, но вернулся без добычи; за это он был низложен и вместо него дали «комышину» другому, по прозвищу Приме. При этом новом кошевом стала опять брать верх партия, расположенная ко вражде с Россией и к миру с татарами. Запорожцы кричали, что выгоднее им, живя в согласии с татарами, ходить на промыслы за зверьми, рыбою и за солью, чем, угождая Москве, быть в неприязни с Крымом и за то получать в награду сукна, которых присылают так мало, что приходится на человека по аршину, либо деньги, которых по разделу достанется на товарища каких-нибудь злотых⁷¹ по два. Запорожцев располагала к миру и возможность размена пленных, причем они могли надеяться воротить попавших в неволю своих товарищей. Но Мазепа в январе 1695 года уговорил их уверениями, что царь скоро предпримет большой поход под Азов, а они, запорожцы, будут чинить промысел над неприятелем и получать много добычи. Вслед за тем прислана в Сечь такого же содержания царская грамота, а в апреле прибыл туда с царским жалованьем стольник, и запорожцы на своей раде дали обещание чинить над бусурманами воинский промысел по царскому указу.

---

⁷¹ Польская денежная единица.

Глава пятая

Первая осада Азова Петром. – Действия Шереметева и Мазепы на Днепре. – Покорение турецких приднепровских городков. – Гарнизон в Таванске. – Вести о намерении бусурман вторгнуться в Украину. – Приготовление к отпору. – Нашествие татар зимою 1695—1696, годов. – Разорение городков и селений – Отступление татар. – Смерть Петрика. – Приготовление ко второму азовскому походу. – Отправка козаков к Азову – Запорожский атаман Чалый. – Стоянки Шереметева и гетмана на Коломаке. – Взятие Азова. – Подвиги козаков под Азовом. – Царские милости. – Свидание Мазепы с царем в Острогжске. – Гибель запорожского атамана Чалого. – Бунт Киевского полка против своего полковника.

1695 год был знаменит в деятельности Козаков. В этот год совершался первый азовский поход царя Петра, поход неудачный по причине измены инженера Ян-сена, перешедшего к туркам: русские потеряли попусту время с весны до глубокой осени и потратили немало войска и денежной казны. Но эти потери отчасти вознаградились успехами другого войска, которое в числе ста тысяч было отправлено на войну в иную сторону, под предводительством боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы. Оно отправилось к низовьям Днепра с целью отвлечь неприятеля и воспрепятствовать крымским ордам помогать туркам в то время, когда последних теснили русские военные силы в Азове. Военачальники, сообразно предоставленным им от царя полномочиям, принялись осаждать турецкие укрепленные городки, построенные на Днепре. Первый из этих городков был Кизикермень (где ныне Берислав). В нем находился порядочный турецкий гарнизон и довольно большое число орудий, а вблизи него расположились, для вспомоществования гарнизону в случае нужды, татары под начальством салтанов Нуреддина и Ширин-бея. Русские явились в один из последних дней июля, в среду, и стали обозами на месте безопасном от неприятельских выстрелов. В четверг на заре гетман приказал своим охотным и городовым полкам двинуться к стенам пешими. Против Козаков вышли янычары, но тотчас были прогнаны в Кизикермень, а за янычарами козаки вскочили в сады и огороды кизикерменских обывателей. После этой первой попытки гетман подал совет насыпать шанцы и таким способом подходить ближе и ближе к городу. Утвердивши плетеные корзины с насыпанною землею, устави́ли пушки, разместили пеших Козаков с огнестрельным оружием. Ночью все работы были окончены и весь Кизикермень был обложен козацкими шанцами. Утром в пятницу с козацких шанцев началась пальба по Кизикерменю из пушек и ручного оружия и продолжалась в течение четырех суток, с пятницы до вторника. Кизикерменцы отвечали хотя не лениво, но без успеха. Чуть только янычары отворят окна в стенных амбразурах, как из козацких пушек летят туда ядра и не допускают противников выпускать свои снаряды. Большой страх осажденным задавали в то же время пускаемые гранаты. Много помогло тогда русскому делу плавное войско, состоявшее из двух козацких городских полков, Киевского и Черниговского, и присоединившихся к ним на пути запорожцев. Перетягивая свои челны с большою трудностью по мелкому и высохшему протоку, оно не допускало татар Нуреддина и Ширин-бея подавать помощь теснимым в крепости. Но кизикерменские стены были сложены из чрезвычайно твердого камня, и гетман нашел, что нельзя обойтись без рытия подкопов. Начали вести подкоп под кизикерменские стены. Взрыв произвел повреждение в стенах, в которых, вдобавок, вспыхнул сберегавшийся там порох. Перед солнечным заходом осажденные дали знать, что сдаются. Вышел сам кизикерменский бей и писарь его «чемерис» (польский татарин) Шибан-Липка. Договорились о сдаче. Бывшие там турки были довольны, но татары не доверяли честности Козаков и, не успевши захватить с собою всего своего достояния, ушли в нижний город, сохранившийся лучше верхнего, которого стены сильно пострадали от взрыва. Гетман запретил до рассвета козакам ходить в город, но козаки его не

послушались и, несмотря на то, что были очень утомлены, бросились в опустелый верхний город с тем, чтобы захватить себе все, что там найдут, и не допустить сделать того же другим своим товарищам. За козаками вслед бросились туда и некоторые ратные люди. В городе произошёл пожар и, благодаря сухому времени, распространился с такою быстротой, что многие не только утратили все, что успели там захватить, но и сами едва улепетнули от огня. Запершиеся в нижнем городе татары, по требованию Козаков, стали выходить, и козаки многих из них ограбили, вопреки своему обещанию; другие же татары и турки с женами и детьми сами бросались со стен кизикерменских в запорожские лодки и были перевезены в качестве пленных на остров Таванск⁷², уже тогда занятый козаками; на этом острове была другая турецкая крепость, называемая по-турецки Мустрит-Кермень, по-русски Таванск. Как только там увидели, что Кизикермень не устоял, тотчас сдались. Крепость эта была малолюдна и тесна; в ней помещалось не более 150 человек неприятельских сил. Было вблизи еще две крепости – Ислам-Кермень и Мубарек-Кермень. Эти маленькие крепостцы без боя сдались русским, покинутые бежавшими из них бусурманами.

Удерживать Кизикермень военачальники признали невозможным. Нужно было починить стены и орудия, а для этого были необходимы мастеровые: их не доставало. Решились сбить кизикерменские стены до основания и поставить гарнизон единственно в небольшом укреплении, находившемся на Гаванском острове. Шереметев и гетман назначили там быть гарнизону из великороссиян и малороссийских охотных Козаков под начальством Ясликовского. Сами военачальники собрались в Украину.

Как только они отступили, как запорожцы вошли самовольно в Таванск, забрали бывших там пленных и орудия, подувалили⁷³ между собою добычу, стали теснить поставленных там в гарнизоне великороссиян и малороссиян, не давая им ни в чем воли, принудили, наконец, их выйти из города и копать себе другой вал, а Таванск объявили собственностью Запорожской Сечи. Но самим запорожцам, вступившим в Таванск в числе шестисот, стало тесно в укреплении, имевшем всего 140 сажен в окружности, да и обороняться в нем от неприятеля было трудно, потому что вал был высыпан из песку и притом стоял на низком месте. Запорожцы увезли оттуда лучшие пушки в Сечу. оставили на прежнем месте плохие, а потом, вытолкавши малороссиян и великороссиян, и сами стали расходиться на промысловую добычу.

---

⁷² На Днепре близ нынешнего гор. Берислава.

⁷³ Разделили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.